

PROJECT MUSE®

Мусульманские метрические книги
в Российской империи: между
законом, государством и общиной
(вторая половина XIX – первая
четверть XX вв.)

Диляра Усманова

Ab Imperio, 2/2015, pp. 106-153 (Article)

Published by Ab Imperio

DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2015.0034>

➔ *For additional information about this article*

<https://muse.jhu.edu/article/592842>

Диляра УСМАНОВА

МУСУЛЬМАНСКИЕ МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:

МЕЖДУ ЗАКОНОМ, ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩИНОЙ

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX вв.)*

Исследователи все чаще характеризуют правовой режим Российской империи при помощи концепции “правового плюрализма”, подчеркивая сосуществование разных юридических систем (имперского гражданского права, обычного права православных крестьян или нехристианских народов, а также разных режимов конфессионального права).¹ Продолжающаяся дискуссия о том, в какой мере применимо к имперской России понятие “конфессионального государства”,² лишь

* Автор выражает признательность анонимным рецензентам и редакторам журнала за комментарии и рекомендации к первоначальной версии статьи, а также искреннюю благодарность Полу Верту и Аллену Франк.

¹ В. О. Бобровников. Теория и практика правового плюрализма для Северного Кавказа XIX–XX вв. // Юридическая антропология. Закон и жизнь. Москва, 2000. С. 128-140; Пол Верт. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. Москва, 2012. С. 119-142.

² Robert Crews. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // American Historical Review. 2003. Vol. 108. No. 1. Pp. 50-83 (русский перевод: Роберт Крюс. Империя и конфессиональное государство. Ислам и религиозная политика Российской империи в XIX веке // Русский сборник: исследования по истории России. Т. 2 / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов и др. Москва, 2006.

подчеркивает актуальность проблематики “правового плюрализма”: подменяли ли собой конфессии ключевые государственные функции или государство целенаправленно передавало религиозным институтам часть своих полномочий. Налицо совмещение разных режимов и источников права. При этом историки пока лишь в самых общих чертах представляют себе сам механизм работы “правового плюрализма”. Так, общеизвестной является распространенность применения норм шариата в разных регионах империи (практически все исследования правового разнообразия в России обсуждают именно статус ислама как альтернативной легальной системы), но практическая реализация норм мусульманского права в рамках общеимперского судопроизводства изучена в меньшей степени. Настоящая статья является шагом в сторону восполнения этого пробела.

Мусульманское право в России постепенно интегрировалось в систему российского законодательства и судопроизводства через признание отдельных правовых норм, применяемых в отношении мусульманского населения империи на протяжении XIX – начала XX вв. Прежде всего, по нормам шариата регулировалась сфера семейно-брачных и наследственных вопросов. Также нормы обычного права (адата) признавались законными для решения незначительных уголовных правонарушений в среде некоторых кочевых народов южных окраин империи. В остальных вопросах в отношении мусульманского населения действовало имперское общегражданское право (том XI Свода законов). Существовало также пространство “гибридного” правового регулирования, когда имперские юридические процедуры вменялись религиозным исламским институтам, которые, при этом, должны были действовать в роли агентов государства. Этот феномен гибридного правового режима существенно усложняет привычную модель “правового плюрализма”, поскольку речь не идет лишь о “сдаче” имперским государством своих функций конфессиональным структурам или, напротив, о пассивной кооптации традиционных норм и практик в имперское законодательство. Главным примером гибридных юридических институтов можно считать введение метрических книг в мусульманских приходах. Метрические книги – реестры актов гражданского состояния (рождения, браков, разводов и смертей) – возникли в европейских христианских

C. 99-135); Alexander Morrison. Review: Crews, Robert D. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Harvard University Press, Cambridge, MA, 2006. viii + 463 pp. Maps. Illustrations. Notes. Index. \$29.95: £19.95 // *The Slavonic and East European Review*. 2008. Vol. 86. No. 3. Pp. 553-557.

приходах по инициативе формирующегося современного государства, как инструмент контроля населения. Тем более удивительно, что эта чуждая исламу практика довольно скоро превратилась в России в один из важнейших инструментов, при помощи которого среди мусульманского населения империи происходила практическая реализация норм шариата при заключении брака, разделе имущества или решении спорных семейных конфликтов.

В данной статье будет рассмотрен процесс учреждения и специфика функционирования института мусульманских метрических книг в условиях позднеимперской России. Обозначенная проблема может рассматриваться в двух плоскостях:

- В рамках т.н. “мусульманского вопроса” в государственной политике, т.е. в плане непростых взаимоотношений государственных органов и исламских религиозных институтов (духовных правлений и представителей рядового мусульманского духовенства) по разграничению компетенции и сферы ответственности в деле государственной регистрации мусульманского населения.
- В качестве составной части внутриисламского дискурса, в том числе, в рамках конфликта внутри мусульманского населения Волго-Уральского региона между официальным (т.н. “указным”) духовенством и маргинальными группами мусульманской общины.

Принципиальная гибридность института мусульманских метрических книг свидетельствует о том, что мусульманские подданные не являлись лишь объектом манипуляции со стороны имперского центра, но пытались выступать (со)творцами нового порядка. Если рассматривать этот новый порядок как пространство коммуникации и одновременно противостояния государства и руководителей религиозной общины, то следует выделить несколько наиболее принципиальных вопросов, структурирующих взаимодействие сторон. И правительственных чиновников, и представителей мусульманской уммы беспокоили такие вопросы, как:

- статус и полномочия духовных лиц, ответственных за ведение метрик;
- вопрос о языке ведения метрик;
- порядок циркуляции и каналы распространения метрических книг и выписок из них.

Помимо отношений внутри имперской вертикали (и незавершенности процесса формирования единого гражданского порядка³), в данной статье меня также интересуют горизонтальные связи и контакты внутри мусульманского сообщества. Внутримусульманский диалог был весьма сложен и многообразен. Изучение его затруднено очевидным дефицитом документов, “говорящих голосом” самих мусульман. Малочисленность таких источников объясняется целым рядом факторов: ликвидацией собственной государственности и отсутствием институтов, призванных сохранять делопроизводственные документы на национальных языках; неразвитостью у татар традиции бережного отношения к семейным архивам; систематическим уничтожением, часто вместе с физической ликвидацией их обладателей, общественных и личных архивов, частных библиотек и пр.⁴ Тем не менее, ряд косвенных свидетельств и единичные документы, сохранившиеся в государственных архивохранилищах, позволяют сделать некоторые наблюдения и предположения. В частности, проблема метрических книг играла определенную роль в общественных дискуссиях о путях реформирования религиозных структур (духовных собраний и правлений), о необходимости повышения статуса духовных лиц и обретения мусульманским сообществом подлинной религиозной автономии.

Признавая мусульманское сообщество Российской империи чрезвычайно неоднородной средой, чьи права и обязанности, а также культурные традиции в разных регионах империи были чрезвычайно разнообразными, я сознательно ограничиваю материал данной статьи преимущественно рамками территории, подведомственной Оренбургскому магометанскому духовному собранию (далее ОМДС, существует с 1788 г.). Тем не менее, в ряде случаев нам понадобится экскурс в приграничные и периферийные зоны, где чаще всего происходил конфликт

³ Следует отметить, что этот же вывод применим практически ко всем государственным проектам реформирования социального, национального или правового пространства страны.

⁴ Существует много недокументированных свидетельств того, что вторые экземпляры метрических книг, часто хранившиеся в мечетях или в домах у священнослужителей (имамов), с конца 1920-х гг. активно уничтожались в числе прочей арабографической “макулатуры”. Это тем более печально, что в государственных архивах (например, в Национальном архиве РТ) хранятся полные комплекты метрик только начиная с 1865 года. Метрические книги более раннего периода не сохранились или же представлены в очень лапидарном виде. Поэтому найденные во время археографических экспедиций Казанского университета комплекты метрических книг, датируемых второй третью XIX столетия, имеют уникальный характер.

интересов и наблюдалось некоторое отступление от прописанной в законодательстве “нормы”. К тому же границы территории, на которую распространялась компетенция ОМДС, на протяжении XIX столетия были довольно изменчивы. Не менее важно соотнесение российского опыта с практикой, сложившейся в соседних странах, близких России в силу исторической традиции, активного культурного взаимодействия, влияния правовых традиций или же сходных по системе управления. При этом нужно иметь в виду, что метрические книги – только одно звено складывавшейся современной системой многоуровневой идентификации личности. Идентификационные документы являются важнейшим инструментом управления населением: с их помощью решаются вопросы сбора налогов, пополнения армии, происходит утверждение новой социальной структуры, регулирование миграционных процессов в обществе и пр. Метрики играли важную роль на всех этапах становления системы государственного контроля населения – начиная со все более регулярных переписей населения и заканчивая введением постоянных идентификационных документов (паспортов).

***Система персональной регистрации населения:
мировой и российский опыт***

Большинство европейских держав имели схожий опыт формирования системы идентификации личности, коль скоро они существовали в общем информационном и социально-политическом пространстве, постоянно заимствуя наиболее удачные институты и практики друг у друга.⁵ В то же время, в каждой стране сохранялись и свои нюансы, отражающие особенности ее исторического развития. Почти во всех европейских странах система индивидуальной регистрации зародилась внутри церковной иерархии, была взята на вооружение светской властью, но долгое время оставалась в ведении церкви, пока не перешла

⁵ John C. Torpey. *The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship and the State*. Cambridge, 2000; Jane Caplan, John C. Torpey (Eds.). *Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World*. Princeton, 2001; Keith Breckenridge and Simon Szreter (Eds.). *Registration and Recognition: Documenting the Person in World History*. Oxford, 2012; Ilsen About, James Brown and Gayle Lonergan (Eds.). *People, Papers and Practices: Identification and Registration in Transnational Perspective, 1500–2010*. Basingstoke, 2013; В. Г. Чернуха. *Паспорт в России. 1719–1917 гг.* Санкт-Петербург, 2007; А. К. Байбурун. *К антропологии документа: паспортная “личность” в России // Антропология социальных перемен*. Москва, 2011. С. 533–555.

полностью к гражданским властям. Эта трансформация происходила в разные исторические эпохи и с разными темпами.

Хотя отдельные реестры крещений прихожан создавались еще в средние века, считается, что ведение регулярных записей крещений в приходах началось в Толедо в 1497 г. по инициативе выдающегося теолога и государственного деятеля кардинала Франсиско Хименеса (в то время архиепископа Толедского). Лишь в 1563 г. эта практика была распространена на всю католическую церковь, с добавлением записей венчаний. Однако еще в 1538 г., четвертью века раньше, на это нововведение обратили внимание светские власти Англии: главный министр и канцлер короля Генриха VIII, один из основателей англиканской церкви Томас Кромвель потребовал от каждого приходского священника завести книгу, в которую по воскресеньям вносились бы записи о крещениях, венчаниях и похоронах за прошедшую неделю. Книгу следовало хранить в особом сундуке под двумя замками, за неисполнение полагался штраф.⁶ Однако и в Англии, и на континенте ведение приходских метрических книг встречало сопротивление приходских священников, недовольных затратами времени и денег на ведение реестров. Лишь к началу XVII в., после неоднократных указов светских и церковных властей, ведение метрических книг приобретает относительно регулярный характер.⁷ Уже в середине XVII в., во время Английской революции, функции регистрации крещений, венчаний и смертей были переданы гражданским властям. Через несколько лет, после Реставрации 1660 года, ведение метрических книг вернули приходским священникам, что не мешало впоследствии парламенту облагать записи в приходских метрических книгах налогами в пользу казны.⁸ Система гражданской регистрации в Англии устанавливается лишь в 1836 г. (а в Шотландии и Ирландии еще позже).

Сходная динамика прослеживается и в немецких землях, где факты крещения, венчания и погребения по христианскому обряду заносились в церквях в специальные книги — *Kirchenbücher* и *Ortssippenbücher*.⁹

⁶ William Edward Tate. *The Parish Chest: A Study of the Records of Parochial Administration in England*. Cambridge, 1969. Pp. 43-44; Edward Anthony Wrigley, Roger Schofield. *The Population History of England 1541–1871*. Cambridge, 1989. P. 15.

⁷ Tate. *The Parish Chest*. P. 45.

⁸ Ibid. P. 48.

⁹ Andreas Fahrmeir. Too Much Information? Too Little Coordination? (Civil) Registration in Nineteenth-Century Germany // Keith Breckenridge and Simon Szreter (Eds.). *Registration and Recognition: Documenting the Person in World History*. Oxford, 2012. P. 95.

Государство начинает проявлять активный интерес к подобным документам только в конце XVIII столетия. Поскольку государственные интересы диктовали не только фиксацию актов гражданского состояния, но и доступ к этим сведениям государственных чиновников, священник или его помощник были обязаны раз в год направлять заверенную копию списков (т.е. копию церковной книги) в местный суд низшей инстанции.¹⁰ На протяжении XIX в., по мере постепенного разделения полномочий между государством и церковью, в Пруссии усиливалась критика “лоскутной системы регистрации”. Переход от церковной системы регистрации прихожан к светской регистрации граждан приходится на вторую половину XIX столетия, в рамках складывания единого германского государства и создания общеимперского законодательства (1875 г.).¹¹ При этом важно подчеркнуть, что этот переход не означал полного разрыва с традицией церковной регистрации. В то же время, секуляризация системы регистрации привела к уменьшению фиксируемой в списках информации. Трансформация немецкой системы регистрации населения дополнительно определялась такими факторами, как соперничество католической церкви с протестантами (при растущей секуляризации общества), потребностями государства в демографической статистике, а также необходимостью контроля над миграцией населения между различными немецкими государствами.

Во Франции приходские книги записей крещений были введены указом короля Франциска I всего на год позже, чем в Англии (1539). С самого начала они были поставлены под контроль властей. Королевский ордонанс требовал проведения раз в год проверки списков нотариусами и передачу дубликата в распоряжение местного королевского судебного чиновника для использования “в случае необходимости” (впрочем, на практике последний пункт начал повсеместно выполняться только в XVIII в.).¹² При этом государство доверяло ведение метрических книг только официальной конфессии, и ни иудеи, ни мусульмане, ни протестанты (после отмены Нантского эдикта в 1685 г.) не имели доступа к официальным метрическим книгам. Французская революция передала регистрацию актов гражданского состояния светским властям в 1792 г.,

¹⁰ Ibid.

¹¹ Вопрос о введении гражданской системы регистрации и бракосочетания вотиrowался в Рейхстаге 16 июня 1872 г. и был утвержден 151 голосами против 100. См.: Fahrmeir. Too Much Information? P. 100.

¹² Ordonnance no 188 de 1539 // http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/Edit_Villers-Cotterets-complt.htm.

эта практика была закреплена впоследствии Гражданским кодексом Наполеона. Метрические книги, составляемые мэрами общин, фиксировали статус всех граждан, независимо от конфессии.¹³ Система комплексной гражданской регистрации личности получила новое развитие во Французской Третьей республике (в 1870–1880 гг.) в ответ на массовую миграцию внутри страны и необходимость мониторинга этого процесса (в первую очередь, для обеспечения призыва молодых людей на службу в условиях всеобщей воинской повинности).¹⁴

Особый случай представляет Османская империя, одновременно и включенная в общеевропейский информационный и политический контекст, и стоящая особняком как противостоящая “христианской Европе” “исламская” держава. Значительное количество мусульманских подданных и довольно архаичная система управления сближали Османскую и Российскую империи, хотя официальный статус мусульман в двух соседних империях был различен. Также значительные различия, правда, имевшие иные основания, существовали и в способах учета и контроля подданных.

Вплоть до XIX столетия в Османской империи не существовало единой системы регистрации населения посредством записи фактов рождения, смерти и бракосочетания в метрических книгах и регистрах, каковая была внедрена в то время в значительной части европейских стран.¹⁵ Система регулярного учета подданных, постепенно внедренная в Османской империи в 1831–1881 гг., выросла из периодических переписей населения и была тесно связана с военными, финансовыми и управленческими потребностями центральной администрации. К рубежу XIX–XX столетий в стране была выработана довольно эффективная процедура регистрации практически всех подданных империи, при всех недостатках и изъянах которой удавалось собирать обширные демографические и статистические данные. Эта информация активно используется при изучении социальной и демографической истории Османской империи.¹⁶

¹³ Paul-Andre Rozental. Civil Status and Identification in Nineteenth-Century France: A Matter of State Control? // Keith Breckenridge and Simon Szreter (Eds.). Registration and Recognition: Documenting the Person in World History. Oxford, 2012. Pp. 141-145.

¹⁴ Ibid. P. 143.

¹⁵ Musa Şaşmaz. The Ottoman Censuses and the Registration Systems in the Late 19th and Early 20th Centuries // Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi (OTAM). 1995. Vol. 6. P. 289.

¹⁶ Многие исследователи отмечают, что в отношении достоверности статистических данных, собранных в ходе официальных переписей, всегда высказывалась критика и

Результаты более-менее регулярных переписей населения, проводившихся в XV–XVI вв., особенно во вновь присоединенных землях, записывались в специальные налоговые регистры (*tahrir defters*). В XVII–XVIII столетиях данные этих тетрадей практически не обновлялись, а частично даже были утеряны, что привело к дефициту необходимых сведений. В 1826 г. возникла идея проведения новой переписи, но из-за русско-турецкой войны 1829 г. ее удалось осуществить лишь в 1830–1831 гг. Эта перепись имела ряд особенностей, вызванных чересчур буквальным пониманием ее прагматических целей: создания новой армии и бюрократии, а также оптимизации налогооблагаемой базы. Во-первых, она касалась лишь мужской части населения. Во-вторых, данные о мусульманах и немусульманах фиксировались исходя из разных принципов классификации: мусульмане были поделены на три возрастные группы в зависимости от пригодности к службе, тогда как освобожденные от военной службы и платившие вместо нее подушный налог иноверцы (объединенные в *миллеты* православные, католики, армяне и иудеи) – на три группы в соответствии с платежеспособностью и имуществом. За пределами переписи остались не только женщины, но многие жители труднодоступных районов в горах и пустынях, а также иностранцы, большая часть чиновников и городского населения, освобожденных от военной службы, принудительного труда или налогов.

Перепись осуществлялась силами как присланных из столицы чиновников, так и местных руководителей (*muhtars*) и глав религиозных общин, привлеченных для удостоверения правильности собранных сведений и выдачи разрешительных бумаг. Причем из Стамбула были получены лишь общие рекомендации, а методика проведения обследования населения, формы фиксации сведений и пр. были оставлены

скептицизм. Некоторые демографы даже отдают предпочтение не официальным данным, а наблюдениям иностранных путешественников и дипломатов, что, по мнению Стенфорда Шоу, неправильно. См.: Stanford J. Shaw. *The Ottoman Census System and Population, 1831–1914* // *International Journal of Middle East Studies*. 1978. Vol. 9. P. 325. Этой же позиции придерживается и Кемаль Карпат, автор наиболее цитируемой работы по данной проблеме: Kemal H. Karpat. *Ottoman Population 1830–1914: Demographic and Social Characteristics*. Madison, 1985. Автор посвятил целый раздел анализу концептуальных и методологических проблем при изучении населения Османской империи (С. 3–17). Ряд исследователей, оспаривая чрезмерно критический подход, предлагают разные методики преодоления внутренних изъянов официальной статистики. См., например: Servet Mutlu. *Late Ottoman Population and Its Ethnic Distribution* // *Turkish Journal of Population Studies*. 2003. No. 25. Pp. 3–38.

на усмотрение переписчиков.¹⁷ Разнообразные всеобщие, локальные и выборочные переписи проводились в 1835, 1838, 1844, 1857 и 1874 гг. Собранные в ходе этих переписей сведения фиксировались в регистрах или тетрадах (*nüfus kitabı*), отправляемых на хранение в столицу (в специально созданный Департамент переписи, который будучи самостоятельным подразделением МВД, имел специальный архивный отдел). Причем, сведения регистров должны были регулярно обновляться и пополняться ввиду рождения и смерти, а также миграции подданных.

Постепенно в османской администрации начинает доминировать идея сочетания периодических переписей с постоянной и тотальной регистрацией всех подданных, вне зависимости от религиозной, национальной или половой принадлежности, а также осознание необходимости выдачи подданным удостоверения личности (*tezkere*), своего рода идентификационной карты, призванной облегчить и упорядочить контакты между частными лицами и властями. Новые правила регистрации населения начали разрабатываться в 1874 г. После обсуждения в Государственном совете они были утверждены султаном и впервые опробованы в ходе всеобщей переписи 1881 года.¹⁸ В этих правилах, включавших 50 статей, разделенных на девять разделов, помимо самой переписи (ст. 39-50), наибольшее внимание уделялось именно постоянной регистрации населения (ст. 1-38).¹⁹ Причем, аргументируя важность сбора подобной информации, его инициаторы активно ссылались на опыт европейских стран и США.

Новые правила подробно регламентировали порядок регистрации рождения (ст. 15-22), брака (ст. 23-26), смерти (ст. 27-29) и миграции (ст. 30-31) жителей империи. Специальный раздел (ст. 32-39) устанавливал процедуру контроля за регистрацией населения, обеспечивая постоян-

¹⁷ Stanford J. Shaw. The Ottoman Census System and Population, 1831–1914 // International Journal of Middle East Studies. 1978. Vol. 9. P. 325-327. Подробный исторический обзор османских переписей см. также: Servet Mutlu. Late Ottoman Population and Its Ethnic Distribution // Turkish Journal of Population Studies. 2003. No. 25. Pp. 3-38.

¹⁸ Подробнее об инструкции 1881 г. см.: Kemal H. Karpat. Ottoman Population Records and the Census of 1881/82–1893 // International Journal of Middle East Studies. 1978. Vol. 18. Pp. 237-274; Idem. Ottoman Population, 1830-1914: Demographic and Social Characteristics. Madison, 1985. Pp. 30-33.

¹⁹ “In accordance with the Council’s previously discussed reasoning, the regulation treated the census as an ad hoc project, while its by-product, the register system intended to be comprehensive and permanent, was given great attention”. Цит. по: Kemal H. Karpat. Ottoman Population, 1830–1914. P. 32.

ный поток соответствующей информации из деревень в вышестоящие властные структуры. Перепись же на местах (на районном уровне) осуществлялась в составе комитета, куда входили: правительственный чиновник, по одному мусульманину и немусульманину, выбранному из числа лидеров местных общин (что должно было обеспечить паритет интересов), секретарь и его помощник.²⁰ Обязанность ведения постоянных регистров (своего рода метрических книг) была возложена на глав местных общин (*muhtar*), т.е. на гражданскую администрацию, на имамов, глав советов старейшин и представителей миллетов.²¹ Взимаемая за регистрацию и выдачу удостоверения личности сумма (от одного до пяти курушей) распределялась равномерно между задействованными в этой процедуре лицами.

Переписные книги и регулярные регистрационные документы отражали следующую информацию: фамилия и прозвище респондента, собственное имя и имя отца, адрес, возраст, религиозная принадлежность, род занятий или профессия, избирательный статус, физические особенности или недостатки, гражданский статус.²² В правилах также был отдельно обозначен порядок регистрации новорожденного ребенка: факт рождения фиксировался местным имамом или гражданским руководителем общины (*muhtar*). В специальный формуляр вносились такие данные, как имя новорожденного, имя его отца и матери, дата и место рождения. Если роды происходили в больницах, в море, за границей и пр., то факт рождения и все необходимые сведения подтверждались местным директором клиники, капитаном или же турецким консулом в соответствующей стране. Новшеством было то, что отныне в переписные списки и регистры вносились сведения о женщинах.²³ Для мусульман и немусульман по-прежнему велись отдельные регистры. Эта система регистрации и идентификации личности на основе правил 1881 г. с небольшими модификациями использовалась до конца существования Османской империи. Важно отметить, что все подданные должны были обзавестись удостоверением личности (*nüfus tezkeresi*), отражающим эти данные, которое предоставлялось властям при совершении любых сделок по продаже или приобретению чего-либо, наследовании имущества, при приобретении проездных документов и путешествии, при занятии бизнесом и пр. Отсутствие идентификацион-

²⁰ Mutlu. Late Ottoman Population and Its Ethnic Distribution. Pp. 5-6.

²¹ Şaşmaz. The Ottoman Censuses. P. 300.

²² Karpat. Ottoman Population, 1830–1914. Pp. 30-33.

²³ Shaw. The Ottoman Census System and Population. P. 331.

ной карты наказывалось штрафом или даже тюремным заключением от суток до месяца. Особенно жесткое наказание следовало в отношении тех, кто отказывался от получения подобной карты, чтобы избежать призыва на военную службу.

Как регулярные переписи, так и созданная чуть позднее система постоянной регистрации населения были обусловлены военными, фискальными и административными потребностями государства. Позднее формирование этой системы привело к тому, что она была лишь в незначительной степени аффилирована с религиозными структурами. Руководители исламских общин (имамы) были причастны к делу регистрации населения, но играли второстепенную роль по сравнению с гражданскими и даже военными чиновниками, как бы “ассистировали” им на местах. Это отличало ситуацию в Османской империи от истории института метрических книг в большинстве европейских стран, где церковь выполняла работу по регистрации актов гражданского состояния в интересах и под контролем государства вплоть до второй половины XIX в. (в России – до 1917 г.). Вторым отличием Османской империи было то, что регулярная регистрация актов гражданского состояния и система идентификации личности явились результатом проведения всеобщих переписей населения как исторически наиболее давнего и развитого механизма контроля подданных в стране (как известно, в России первая современная всеобщая перепись населения была проведена только в 1897 г.). Согласно инструкции 1881 г., сначала проводилась перепись населения, и лишь затем на основе собранных переписчиками данных на местном уровне все сведения о рождении, смерти, бракосочетании, а также о передвижении населения должны были фиксироваться и в т.н. ежегодных книгах. При необходимости их следовало регулярно уточнять, а полученные сведения – отправлять соответствующим должностным лицам вышестоящего уровня.²⁴

В России оформление элементов системы регистрации и идентификации населения началось при Петре I, включая переписи населения, идентификационные документы и метрические книги.

Достаточно регулярные переписи населения в интересах налогообложения (т.н. ревизии) проводились с 1718 по 1858 гг., касаясь исключительно податных сословий (крестьян, мещан и купцов). Именные списки, составленные в ходе переписи (т.н. ревизские сказки), содержали минимум сведений, необходимых для фискальных нужд

²⁴ Ibid. P. 331.

(состав семьи, возраст ее членов). Они составлялись специальными чиновниками и только на русском языке, без привлечения духовенства и представителей местных общин (в том числе, мусульманского населения). При проведении первой и единственной российской Всеобщей переписи населения (1897) среди счетчиков и переписчиков были и мусульмане, но доля их (даже в Казанской губернии) была незначительной. Очевидно, они не смогли существенно повлиять на мнение тех единоверцев, которые воспринимали перепись как акт государственного контроля и насилия, что объясняет довольно многочисленные случаи прямого и косвенного сопротивления ее проведению среди тюрко-татарского населения.²⁵

Первые идентификационные документы, введенные Петром I (1719), также касались ограниченной части населения: первоначально лишь иностранцев, затем тех подданных, что покидали места традиционного проживания и отправлялись на заработки. Поэтому первые паспорта были буквально “пропусками”: в них указывались имя человека, его звание, приметы, срок отлучки, то, откуда и куда он направляется. Т.е. идентификационный документ имел временный характер и должен был удостоверить законопослушность его обладателя, оказавшегося за пределами своей общины.²⁶ Формат и предназначение российских паспортов постоянно менялся, приняв окончательную форму “паспортной книжки” в 1906 г. Выдавался такой паспорт полицией. Хотя точно не известно, какая часть населения империи имела паспорта, думается, что среди мусульман обладатели паспортов не составляли и доли процента: повседневная мобильность мусульманского населения, особенно в дореформенный период, была довольно слабой, а степень отчужденности от государственных институтов – наоборот, высокой. Возраст обладателя паспорта стал указываться только с учреждением и распространением метрических книг, т.е. именно записи гражданских состояний (а не переписи, как в Османской империи) заложили фундамент паспортной системы идентификации подданных. Эффективность этой системы напрямую зависела от полноты и аккуратности метрических записей (в частности, правильного написания имен, точных сведений о месте и дате рождения).²⁷

²⁵ И. К. Загидуллин. Перепись 1897 г. и татары Казанской губернии. Казань, 2000; James H. Meyer. Speaking Sharia to the State: Muslim Protests, Tsarist Officials, and the Islamic Discourses of the Late Imperial Russia // *Kritika*. 2013. Vol. 14. No. 3. Pp. 502-503.

²⁶ В. Г. Чернуха. Паспорт в России. 1719 – 1917 гг. Санкт-Петербург, 2007. С. 27.

²⁷ Байбурин. К антропологии документа. С. 533-555.

Введение метрических книг в России осуществлялось постепенно, начиная с первой четверти XVIII столетия: в 1722 г. был издан указ, регламентировавший регистрацию православного населения империи. Затем последовали аналогичные указы, устанавливавшие правильный и постоянный порядок ведения актов гражданского состояния в отношении лютеран (1764), католиков (1826 г.), мусульман (1828), остальных протестантов (1832), иудеев (1835), староверов (1874, 1906), а также баптистов (1879, 1906).²⁸ Мусульманское население империи оказалось вовлечено в эту сферу регламентации практически одновременно с католиками и на полвека раньше русских старообрядцев, что косвенно выдает приоритеты имперских властей в деле интеграции разных категорий населения. Как мы видели выше, ничего подобного метрическим книгам европейских христианских приходов не существовало в мусульманских приходах даже в Османской империи, поэтому введение метрических книг у российских мусульман являлось беспрецедентным шагом. В значительной степени этому способствовало признание ислама терпимой религией при Екатерине II и создание исламских религиозно-административных институтов: Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС, 1788 г.), затем Таврического магометанского духовного правления (ТМДП, 1832 г.) а позднее и Закавказского магометанского духовного правления (ЗМДП, 1872 г.). Духовные собрания и правления служили постоянным каналом взаимодействия государства и мусульманской общины, делая принципиально возможной реализацию европейской модели ведения метрических книг приходскими священнослужителями в интересах государства.

Изучение метрических книг в общероссийском контексте породило значительный историографический нарратив.²⁹ Источниковый потенциал метрических книг наиболее активно используется при изучении отдельных аспектов социальной и религиозной истории.³⁰ Особенно часто исследователи обращаются к данным метрических книг при из-

²⁸ Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Санкт-Петербург, 1913. Т. 26. Стб. 413-414.

²⁹ Б. Н. Миронов. Новая историческая демография имперской России: аналитический обзор современной литературы // Вестник СПб. университета. 2007. Вып. 1. С. 100-126; Вып. 3. С. 3-28; М. Винник. Метрические книги как источник по истории населения России // Демоскоп. 10-31 декабря 2012. № 535-536. <http://demoscope.ru/weekly/2012/0535/analit012.php>.

³⁰ Д. Н. Антонов, И. А. Антонова. Метрические книги: время собирать камни // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 15-28; № 5. С. 26-39; Д. Н. Антонов, И. А. Антонова. Метрические книги России XVIII – начала XX в. Москва, 2006.

учении биографий конкретных людей, написании истории целых семей и родов, составления генеалогического древа, создании истории отдельных населенных пунктов.³¹ Метрические книги содержат неоценимый материал для анализа демографического состояния общества,³² анализа проблем миграции и урбанизации, изучения состояния системы здравоохранения. Косвенно метрики отражают и динамику экономических изменений, происходивших в стране. Тот факт, что изначально дело ведения актов гражданского состояния в Российской империи (впрочем, как и в других европейских странах) было возложено на духовных лиц, послужило основанием для вынесения диагноза самой природе и уровню развития российского государства. Так, проанализировав практику ведения в Российской империи метрических книг, Пол Верт пришел к выводу об административной слабости имперского государства, чье стремление к всеобщей регистрации населения удавалось реализо-

³¹ А. З. Асфандияров. Семья и брак у башкир в XVIII – первой половине XIX в. Уфа, 1989; Н. В. Бикбулатов, Ф. Ф. Фатыхова. Семейный быт башкир XIX–XX вв. Москва, 1991; Б. Н. Миронов. Социальная история России периода империи (XIX – начало XX в.). Санкт-Петербург, 1999. 2 тт.; Д. Н. Антонов. Восстановление истории семей: метод, источники, анализ / Дисс. ... к.и.н. Москва, 2000. Довольно много работ, использующих метрики при анализе демографических проблем в отдельном регионе или по отношению к отдельному сословию. См., напр.: Р. Б. Кончаков. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX – начале XX в.: новые методы исследования / Дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2001; Е. Е. Князева. Метрические книги Санкт-Петербургского консисториального округа как источник по истории лютеранского населения Российской империи XVIII – начала XX в. / Дисс... к.и.н. Санкт-Петербург, 2005. Состояние дел в сфере метрикации еврейского населения империи подробнее см.: Eugene M. Avrutin. Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia. Ithaca, 2010 (здесь Pp. 53-85); ChaeRan Y. Freeze, Jay M. Harris (Eds.). Everyday Jewish Life in Imperial Russia. Selected Documents. 1772–1914. Waltham, MA, 2013.

³² См., напр.: Х. Э. Палли. Методика использования метрик в историко-демографических исследования // История СССР. 1982. № 1. С. 87-93; В. М. Кабузан. Метрические книги // Народнонаселение. Энциклопедический словарь. Москва, 1994. С. 229; С. С. Смирнова. Демографические процессы в Олонецкой губернии в XIX – начале XX в. Опыт компьютерного анализа метрических книг / Дис. ... к.и.н. Санкт-Петербург, 2002; Некоторые исследователи отмечают, что традиция привлечения метрических книг преимущественно при сборе демографических сведений и написании истории отдельных фамилий, доминирует в ряде национальных историографий, например, в немецкой. См.: Andreas Fahrmeir. Too Much Information? Too Little Coordination? (Civil) Registration in Nineteenth-Century Germany // Keith Breckenridge and Simon Szreter (Eds.). Registration and Recognition: Documenting the Person in World History. Oxford, 2012. P. 95.

вать лишь косвенно, через посредничество религиозных служащих и институтов. Фундаментальное противоречие между универсализмом государственной системы и партикуляризмом документации актов гражданского состояния отражало незавершенность процесса формирования современного гражданского порядка в Российской империи.³³ Этот тезис Верта перекликается с концепцией имперской России как конфессионального государства, выдвинутой и обоснованной Робертом Крюзом,³⁴ а также подтверждается многообразным конкретным историческим материалом, отражающим обсуждение в имперской администрации практических аспектов ведения мусульманских метрик и организации контроля над разными этапами этого процесса.³⁵

Что касается изучения собственно мусульманских метрических книг в последние десятилетия существования Российской империи, можно выделить ряд аспектов рассмотрения этой темы, которые получили некоторое освещение в современной историографии: национальные и сословные аспекты процесса идентификации личности и системы государственной регистрации населения;³⁶ использование метрических книг в процессе реализации норм шариата в области семейно-брачных

³³ Paul Werth. In the State's Embrace? Civil Acts in an Imperial Order // *Kritika*, 2006. Vol. 7. No 3. Pp. 433-458 (рус. перевод: П. Верт. В объятиях государства? Акты гражданского состояния и имперский порядок // Пол Верт. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. Москва, 2012. С. 117-143).

³⁴ Robert D. Crews. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, 2006 (особенно второй и третий разделы, С. 92-191).

³⁵ В Российском Государственном Историческом Архиве (РГИА), в фонде ДДДИИ, отложилось определенное количество дел о характере метрикации мусульманского населения, являющихся яркой иллюстрацией к сказанному. См.: Об изменении порядка утверждения духовных лиц магометанского исповедания в приходских должностях и порядка рассылки метрических книг по магометанским приходам (1857–1859) // РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 990; Метрикация магометан. Порядок ведения метрических книг (1872–1896) // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 775; О метрикации (1911–1917) // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 556; О разделе наследства магометан // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 557.

³⁶ Charles Steinwedel. Making Social Groups, One Person a Time: The Identification of Individuals by Estate, Religious Confession and Ethnicity // Jane Caplan and John Torpey (Eds.). *Documenting Individual Identity: the Development of State Practices in the Modern World*. Princeton, 2001. Pp. 67-82; Juliette Cadiot. Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of The Russian Empire (1897–1917) // *The Russian Review*. 2005. Vol. 64. No. 3. Pp. 440-455; James H. Meyer. *Turks Across Empires: Marketing Muslim Identity in Russian-Ottoman Borderland. 1856–1914*. Oxford, 2014.

вопросов,³⁷ а также в регулировании внутренней жизни конкретной мусульманской общины,³⁸ роль метрических книг в выстраивании отношений между государством и исламом в России.³⁹

Введение метрических книг в отношении мусульманского населения Российской империи

В ходе проведения религиозной реформы правительством Екатерины II ислам получил статус официальной конфессии, с признаваемыми государством религиозными структурами и духовенством (т.н. “указные муллы”). Государство не только узаконило ислам в качестве терпимой религии, но и закрепило за мусульманским духовенством ряд полномочий, прежде всего, в сфере разрешения религиозно-догматических вопросов и исполнения религиозных обрядов. Одной из наиболее важных прерогатив мусульманских духовных лиц как социальной группы и созданных правительством исламских духовных управлений было регулирование семейно-брачных и имущественных отношений. Уже в 1791 г. ОМДС заявило о своих притязаниях на разбор всех брачных и имущественных споров мусульман. Обсуждение разделения компетенции в этой сфере между губернскими административными учреждениями и Духовным собранием растянулось на всю первую четверть XIX столетия, при этом центральная власть занимала позицию арбитра, пытаясь находить компромиссные пути разрешения конфликтных ситуаций.

В частности, в 1820-х гг. в Министерстве духовных дел и народного просвещения активно обсуждались вопросы разграничения компетенций религиозных и светских учреждений в области гражданского права.

³⁷ Д. Д. Азаматов. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа, 1999. С. 123-144; Д. М. Усманова. Механизм реализации норм мусульманского права в Российской империи: к вопросу о метрикации мусульманского населения Волго-Уральского региона в XIX первой четверти XX вв. // Ислам и право в России. Вып. 2. Материалы научно-практического семинара “Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье)”. Москва, 2004. С. 40-53; А. Г. Калимуллина. Татарские метрические книги как исторический источник. Общее описание // Фэнни язмалар-2006. Казань, 2007. С. 195-199; К. В. Бойцова, В. Ю. Ганкевич, Э. С. Муратова, З. З. Хайретдинова. Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь, 2009. С. 207-218.

³⁸ Allen Frank. Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and Kazakh Inner Horde, 1780–1910. Leiden, 2001.

³⁹ Верт. В объятиях государства? С. 117-143.

В 1822 г. проект “Правил о магометанских супружеских делах” был представлен на рассмотрение мусульманских духовных учреждений и региональных гражданских властей. Критические замечания духовных лиц и еще более негативный отзыв оренбургского губернатора, выступавшего против расширения власти “магометанских чиновников”, сказались отрицательно на судьбе данного проекта. В 1825 г. он был отклонен, и приоритетность гражданских судов в вопросах брака, вне зависимости от конфессиональной принадлежности тяжущихся сторон, была подтверждена.⁴⁰ Тем не менее спустя несколько лет, в 1828 г., правительство, по инициативе оренбургского вице-губернатора Н. Ханькова, издало “Правила о магометанских метрических книгах”, что означало фактическое признание за мусульманскими духовными лицами и Духовным собранием приоритета в решении семейно-брачных дел мусульман. Более того, с введением метрических книг гибридный государственно-религиозный институт ОМДС приобретал статус нотариальной конторы, куда обращались жители и официальные учреждения по поводу подтверждения дат рождения, смерти, браков и разводов.⁴¹

Указ Правительствующего сената от 21 сентября 1828 г. “О введении в употребление метрических книг по Оренбургскому Духовному Магометанскому управлению” распространялся на все губернии, подведомственные ОМДС и таврическому муфтию. После образования ТМДП (1832 г.) часть мусульманского населения империи (татары Крыма, северо-западных и западных губерний) была переподчинена этой структуре, и, соответственно, ей же было передано дело ведения метрик на данных территориях. Значительно позднее, уже во второй половине XIX века, после создания ЗМДП аналогичная практика была распространена и на мусульман Закавказья: 11 июля 1873 г. Кавказским наместником были утверждены “Правила о ведении метрических книг и ведомостей по мусульманскому духовенству Закавказского края”.⁴² В тех же областях, где не было структур религиозного самоуправления, ведение метрик было возложено на местную гражданскую или военную администрацию (отчасти, в Степном крае). В ряде случаев метрические

⁴⁰ Подробнее см.: Азаматов. Оренбургское магометанское духовное собрание. С. 123-125.

⁴¹ Полный текст закона содержится в ПСЗ-2. Т. 3. № 2296. См.: Азаматов. Оренбургское магометанское духовное собрание. С. 125; Верт. В объятиях государства? С. 120-142.

⁴² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 775. Л. 20-21.

книги в реальности не велись вовсе (Ставропольский край, Терская и Кубанская области), или же этот вопрос не был регламентирован (Туркестан).⁴³ Таким образом, далеко не все население, исповедующее ислам, располагало признаваемыми государством институтами религиозного самоуправления, также как не все исламские религиозные структуры имели равные полномочия. Если в Волго-Уральском регионе, Закавказье и Крыму духовные лица (*имамы*) были наделены административными полномочиями (обязанностью ведения актов гражданского состояния) и участвовали в процессе государственной регистрации населения, то в ряде регионов они были лишены таких прав, а где-то и вовсе не имели законного статуса, выступая лишь как частные лица, исполняющие религиозные обряды.

На территории, подведомственной ОМДС, в соответствии с упомянутыми выше законодательными актами, имамы получали по два экземпляра шнуровых метрических книг. Метрические книги были разделены на три части. В первую часть вносились сведения о рождении всех младенцев мужского или женского пола с указанием имен родителей. В случае незаконнорожденных детей указывалось лишь имя матери. На рубеже XIX–XX вв. наряду с именами все чаще стали указываться и родовые фамилии, что требовалось, в частности, при наборе рекрутов и в ряде иных случаев. У представителей привилегированных слоев фамилии стали фиксироваться и передаваться по наследству с рубежа XVIII–XIX вв., у непривилегированных такая традиция стала складываться значительно позднее. В случае отсутствия родовой фамилии рекомендовалось образовывать ее из имени деда. Социальное происхождение ребенка указывалось чаще в тех случаях, когда отец являлся мещанином, дворянином или имел звание почетного гражданина.

Вторая часть книги предназначалась для фиксации факта смерти. В данный раздел вносились следующие сведения: имя умершего, возраст, имя отца и причина смерти. Под именем умершей женщины обычно указывалось имя ее отца или мужа. Причина смерти фиксировалась довольно произвольно и приблизительно, а нередко в данной графе вообще ставился прочерк. При обращении ко второй части мусуль-

⁴³ Примечательна переписка 1880-х гг. между разными бюрократическими структурами с выяснением вопроса, к какому правлению – Оренбургскому, Таврическому или Закавказскому – следует приписать мусульманское духовенство вновь присоединенных земель и следует ли возложить на него обязанности по метрикации населения. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 775. Л. 97–113, 209–211.

манских метрических книг бросается в глаза очень большой процент умерших среди малолетних детей, а также смерть женщин во время родов. Записи о смерти играли большую роль при разделе имущества умершего, что определяло их практическую значимость для современников. Некоторые исследователи православных метрических книг отмечают, что до 1860-х гг. сравнительно редко регистрировались новорожденные дети, умершие до полугодичного возраста,⁴⁴ что не позволяет правильно оценить процент смертности среди населения, а также свидетельствует о том, что факт рождения ребенка вносился в метрики с большим опозданием. Аналогичная практика существовала и у татар, которые зачастую первоначально фиксировали дату рождения ребенка на полях печатных или рукописных книг, хранившихся в доме (а в любой семье имелся, по крайней мере, Коран), и лишь позднее эти сведения могли быть перенесены уже в метрические книги. Во время археографических экспедиций КГУ, проводившихся регулярно в 1963–2010-х гг., часто обнаруживались книги и рукописи с подобными колофонными записями.⁴⁵

Наконец, в третьей части фиксировались сведения о заключении браков, с указанием имен родителей и свидетелей, времени и условий бракосочетания, а также имени имама (“духовного чиновника”), совершившего бракосочетание. В этом же разделе книги записывались сведения о расторжении браков таким образом, чтобы было видно, когда, кем, по какому поводу и на каком основании произошел развод. Причина развода, как и причина смерти, указывалась приблизительно и не может рассматриваться как достоверная информация.

Исследователи Д. А. Антонов и И. А. Антонова подразделяют содержание метрических книг на две части: статистическую и номинативную.⁴⁶ В статистической части можно увидеть количество демографических событий в населенном пункте за год, сравнить число рождений и смертей, узнать иную статистическую информацию. В последней четверти XIX в. такие статистические сведения выносились на форзац метрической книги и заверялись подписью ответственного за эту книгу. Номинативная часть документа не менее интересна для исследователей, поскольку помимо имени и фамилии дает информацию о семейном и социальном статусе, о родственных связях, иногда – о роде занятий и т.п.

⁴⁴ Р. Б. Кончаков. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX – начале XX в.: новые методы исследования / Дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2001.

⁴⁵ Археографические дневники М. А. Усманова 1963 – 1989 гг. // Архив автора.

⁴⁶ Антонов, Антонова. Метрические книги России.

Метрические книги велись в двух экземплярах муллою или муадзином (в случае православных книг – священником или псаломщиком) и в конце года заверялись имамом. Один экземпляр метрических книг, который считался копией, имамы оставляли у себя, а оригиналы должны были не позднее февраля следующего года отправить в ОМДС (или, соответственно, в ТМДП или ЗМДП) с тем, чтобы к 1 апреля Духовное собрание известило Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ), что все книги получены исправно. Копии, хранившиеся в общинной мечети, иногда содержали даже больше информации, нежели оригиналы, так как часто к этим “собственным” экземплярам имамы подшивали разные выписки, свидетельства и справки, выдаваемые жителям или получаемые от них.

В законодательстве, регулировавшем порядок составления выписок из метрических книг, не содержалось точного указания на то, кем должны выдаваться подобные документы: духовным лицом (приходским имамом) или духовным правлением (например, ОМДС или ТМДП), куда метрические книги передавались на “вечное” хранение. По умолчанию, имамы пользовались этим правом выдачи выписок не столько в силу закона, сколько по традиции,⁴⁷ поэтому иногда возникали конфликтные ситуации и поднимался вопрос о законности деятельности имамов фактически в роли государственных нотариусов. Эти конфликты решались в каждом случае исходя из конкретных обстоятельств, а также интересов местных и центральных властей, но чаще всего – в положительном ключе: практическая целесообразность побеждала идеологические соображения.⁴⁸ Сложнее было с правом имамов и духовных правлений дополнительно и постфактум вносить в метрические книги сведения о рождении (например, тех, кто был рожден до 1829 года, или вне брака, или за пределами своего населенного пункта). Подобные коллизии возникали на протяжении XIX столетия неоднократно, но разрешение их так и не было официально регламентировано.⁴⁹

⁴⁷ Из разъяснений юрисконсульта МВД в ДДДИИ // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 775. Л. 84–86.

⁴⁸ Национальный Архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 2. Оп. 2. Д. 3268.

⁴⁹ Одно из подобных дел: Переписка с ОМДС о невозможности установления законности происхождения Нигматуллы Тимербулатова от князей Еникеевых в связи с отсутствием у магометан метрических книг до 1829 года // РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1167. 11 л. 1862–1865.

***Имамы в фокусе государственных интересов:
статус, права и обязанности исламских духовных лиц в деле
ведения метрических книг***

Политика российских властей по привлечению нерусских подданных к такому делу “чрезвычайной важности”, как государственная регистрация, была двойственной и непоследовательной. Вводя метрификацию мусульманского населения, правительство остро нуждалось в услугах мусульманских духовных лиц, так как не обладало достаточным штатом местной администрации, владевшим национальными языками и имевшим постоянный контакт с местным населением. Но уже с середины XIX столетия создание мусульманских религиозных институтов и официальное признание за муллами определенных судебно-административных прав стало восприниматься (как миссионерами, так и отдельными чиновниками) как мера, хоть и вынужденная, но в целом нежелательная. По словам миссионера Н. Бобровникова, “русское правительство, не имея других способов воздействия на мусульманское население, учредило для них звание указных мулл, которым было поручено ведение метрических книг”, что привело к чрезмерному росту значимости духовенства в жизни мусульманского общества.⁵⁰

Поскольку сохранение ислама и относительная автономность функционирования мусульманского сообщества в христианском государстве рассматривались как отрицательный факт, то во властных структурах неоднократно поднимался вопрос о мерах противодействия исламскому фактору. При выработке правительственного курса в “мусульманском вопросе” одной из наиболее важных была проблема ограничения компетенции мусульманского духовенства в административно-правовой сфере. С точки зрения столичной бюрократии идеальной моделью стало бы полное упразднение Духовного собрания с одновременным ограничением обязанностей имамов рамками богослужения, что должно было резко уменьшить их авторитет в мусульманской среде. Поскольку подобная мера была практически недостижима, то шел поиск компромиссных решений, способных минимизировать влияние исламского духовенства в сфере образования, регулирования правового положения мусульманского населения и пр. – прежде всего, путем усиления правительственного контроля, в том числе и в делопроизводственной сфере. Практически все проекты оренбургских генерал-губернаторов А. П. Безака и Н. А. Крыжановско-

⁵⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1082. Л. 27-28.

го 1850-60-х гг. открыто или завуалированно преследовали подобную цель. В частности, в 1867 г. Н. А. Крыжановский среди прочих мер по борьбе с “исламизмом” (как “естественным врагом православия”) предлагал определить мусульманскому духовенству жалование, “чтобы чрез выдачу жалования поставить мулл в зависимость от Правительства”. Размеры содержания должны были быть не очень чувствительными, чтобы население испытывало к своим муллам не пиетет, а равнодушие. При этом оклады на содержание должны были браться из сумм дополнительных налогов на мусульманское население.⁵¹ Хотя эти проекты и не были реализованы в полной мере (вплоть до конца имперского периода жалование получали лишь высшие духовные лица – муфтий и кадии ОМДС, руководство ТМДП и ЗМДП),⁵² вопрос о материальном обеспечении мусульманских духовных лиц и исламских институтов все время оставался открытым.

Финансовая сторона играла далеко не последнюю роль и в деле ведения метрических книг. Кто должен был платить за изготовление книг типографским способом, за двухкратную их пересылку, регулярное заполнение и дальнейшую сохранность? Вопрос этот законодательно не был четко прописан и допускал разные толкования. Поначалу на заведение и рассылку метрических книг единовременно выделялась сумма в 700 рублей из Государственного казначейства. В дальнейшем содержание метрических книг (печатание, рассылка и ведение) было фактически возложено на самих членов каждого прихода. Когда Самарский областной статистический комитет запросил в ДДДИИ, на чей счет должны быть отнесены расходы по заготовке метрических книг для населения губернии, ответ был однозначным: все расходы должны покрываться со сбора с духовных лиц.⁵³ В 1860–1880-х гг. ОМДС взимало за каждую пару метрических книг по 25 копеек серебром с лиц, которые ими заведовали.⁵⁴ Эта сумма должна была предоставляться имамом в местное отделение полиции вместе с экземпляром самой книги. Также в казну Оренбургского собрания должна была поступать пошлина за регистрацию брака в размере 8½ копеек серебром с каждой

⁵¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 594. Л. 44об.

⁵² Исключение составляет крымско-татарское духовенство, которое получало минимальное жалование – правда, из капитала, образовавшегося в результате конфискации вакуффов в Крыму.

⁵³ Чиновник ДДДИИ ссылался на прим. 2 к ст. 1077, т. 9, СЗ (1876 г.). См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 775. Л. 160.

⁵⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 775. Л. 160.

пары брачующихся. На протяжении 1870–1880-х гг. между ОМДС и губернскими правлениями велась оживленная переписка по поводу недостатков в деле распространения метрических книг и пересылки собранных денег. В частности, ОМДС настоятельно просило губернские правления и полицейские управления обеспечить своевременную пересылку собранных за метрики денег, а также “брачной пошлины”, указав в квитанциях и книгах, сколько денег должно быть выслано именно за заключенные браки и пр. В донесениях Духовного собрания из года в год повторялось требование навести порядок в деле рассылки книг и сбора выручаемых средств, а также обязательство, чтобы полицейские чины делали отметки об отсутствии в книгах исправлений, подделок и подчисток. Как свидетельствует переписка, отложившаяся в архивах, эта проблема сохраняла свою актуальность вопреки всем увещаниям и угрозам.⁵⁵ Порой уже в феврале-марте текущего года некоторые уездные полицейские управления доносили о неполучении ими метрических книг для раздачи муллам. Также значительные временные лакуны в деле ведения книг наблюдались при открытии новых мечетей и после губительных пожаров.

Весьма важным являлся вопрос о языке метрик. Первоначально, по указу о введении метрик, предполагалось, что они будут вестись на русском языке. В случае незнания имамами русского языка допускалось ведение их по-татарски (Свод Законов, ст. 1077, т. 9). На деле же именно татарский язык и получил наибольшее распространение. В 1867 г. упомянутый ранее оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский вновь предложил незамедлительно перевести всю делопроизводственную переписку Духовного собрания и заполнение метрических книг на русский язык.⁵⁶ Введение русского языка в делопроизводство рассматривалось как первый шаг, за которым последовали бы изъятие метрических книг из ведения мулл и передача их сельскому и волостному начальству (проект 1875 г.).⁵⁷ На последнем этапе следовало бы изъять из сферы компетенции имамов все гражданские и административные функции, сохранив за ними только сугубо духовные (т.е. обрядовые) функции. Оренбургский генерал-губернатор предлагал разделить духовные и служебные обязанности мулл, оставив первые в ведении духовных

⁵⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 775. Л. 160.

⁵⁶ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Дд. 893, 1243, 2880.

⁵⁷ “Вместе с тем, не следовало бы давать им [муллам – Д.У.] никаких новых прав, обязанности же их ограничить делами веры; т.е. исполнением обрядов, треб и мировых разбирательств по шариату”. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 611. Л. 236об.

правлений, а во втором вопросе подчинив мулл контролю гражданских властей. Главную цель всех преобразований Крыжановский видел в упразднении духовных правлений и ослаблении ислама в целом.⁵⁸ Однако эксперты Департамента, разделяя идеологию Н. А. Крыжановского, выступили его оппонентами. По их мнению, осуществить на практике полное разделение духовной и правовой сфер деятельности мусульманских духовных лиц было бы чрезвычайно сложно. Хотя метрики и находятся в крайне неудовлетворительном состоянии, изменить существующую практику невозможно: ведение метрических книг по-русски будет возможно только тогда, когда муллами станут лица, окончившие курсы в русской гимназии. При общем низком уровне русской грамотности мусульманского населения,⁵⁹ чрезвычайно слабой урбанизированности и, наконец, слабой престижности профессии эти предложения представлялись утопией. В качестве своеобразного итога этой переписки 13 июня 1875 г. было утверждено положение Комитета министров, в котором высказывалось мнение о целесообразности “после издания положения о порядке ведения метрических книг евреев войти в соображения о применении этих правил к способу ведения магометанских метрических книг”.⁶⁰ Однако это намерение так и не получило законодательного воплощения.

В 1878 г. с аналогичным предложением обязать мулл вести метрические книги исключительно на русском языке выступил рязанский губернатор. По его мнению, это стало бы гарантией от всевозможных подлогов и подчисток в метриках, которые часто встречались при проверке метрических книг.⁶¹ Чуть ранее, в 1877 году, вопрос об

⁵⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 1-48.

⁵⁹ Я бы не стала переоценивать уровень русской грамотности городского татарского населения и имамов. См.: Crews. For Prophet and Tsar. P. 95. На практике, вплоть до начала XX в. знание русского языка, за редким исключением (например, у Атауллы Баязитова и ряда других представителей мусульманского духовенства, живших в преимущественно русской среде), ограничивалось бытовой лексикой и умением зафиксировать свою подпись. Да и после введения для кандидатов на должность имама обязательного экзамена на знание русского языка это требование оставалось формальностью, соблюдавшейся скорее для проформы. (См. подробнее описание процедуры избрания на должность имама: Frank, Muslim Religious Institutions in Imperial Russia. P. 121). Для полноценного общения с представителями власти этого было явно недостаточно. Незначительные сведения, фиксируемые на обложке метрических книг на русском языке, ярко характеризуют низкий уровень русской образованности имамов.

⁶⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 611. Л. 254.

⁶¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 775. Л. 42.

обязательном знании муллами русского языка был рассмотрен на Государственном совете. В виду сложной политической ситуации (русско-турецкой войны и пр.), вопрос о русификации делопроизводства и об обязательном знании имамами русского языка был отложен до более благоприятных времен. При этом было отмечено, что установление правила об обязательном ведении метрик на русском языке должно осуществляться очень осторожно и постепенно, методом “вытеснения” мулл русскоговорящим персоналом. Поэтому большинство экспертов сходились во мнении, что перевод процедуры ведения метрических книг на русский язык хотя и целесообразен, но вряд ли осуществим на практике в обозримом будущем.

На практике речь не шла дальше требований усилить делопроизводственную дисциплину. Всякие исправления и подчистки в книгах запрещались строго-настрого, а случайные ошибки должны были оговариваться и заверяться специальной подписью. Однако таких правонарушений, в том числе в форме подделок и подчисток со стороны духовных лиц, было довольно много. Проблема корректности ведения метрических книг и злоупотреблений на этой почве оставалась довольно острой как для властей, так и для населения. Государство, устанавливая определенную форму регистрации личности, отказывалось признавать правоспособность индивидуума без наличия задокументированных на бумаге данных. Для конкретного “простого человека” ошибки в персональных сведениях были чреваты большими проблемами, поскольку могли привести к потере большинства базовых привилегий и гражданских прав, предоставляемых государством.⁶² Борясь с фактами подделок и подчисток, Оренбургское собрание попыталось, правда, безуспешно, возложить на местную полицию обязанность контроля над правильностью сдаваемых имамами метрических книг. Полицейские же чины всячески отказывались от этой ответственности, ссылаясь на незнание ими татарского языка. В свою очередь, имамы всегда могли утверждать, что книги были сданы в исправном виде. Поэтому обе стороны, поддерживающие гибридный институт мусульманских метрических книг, были заинтересованы в формальном соблюдении закона, что приводило к массовым нарушениям и создавало почву для злоупотреблений для всех участников этого процесса.

⁶² Avrutin. *Jews and the Imperial State*. P. 84.

***Каналы распространения метрических книг:
циркуляция метрических книг по “вертикали”***

В соответствии с указом 1828 г. (Свод законов, том IX, ст. 145), а также постановлениями Комитета министров (21.08.1834) и предписаниями МВД (28.09.1850) метрические книги должны были изготавливаться центральными духовными структурами и рассылаться ими по подведомственной территории. Далее книги проделывали длительный путь через губернские административные (губернские правления) и карательные (городские и сельские полицейские пункты) структуры до приходских имамов, на которых, собственно, и была возложена обязанность ведения метрик. Обратный путь был не менее длителен, что создавало массу осложнений. Ряд позднейших постановлений был направлен на то, чтобы несколько упростить и ускорить процедуру рассылки и доставки метрических книг, а также выписок из них. В 1854 г. Департамент духовных дел выступил с предложением, чтобы при рассылке по приходам метрические книги миновали губернские правления и посылались напрямую из ОМДС в полицейские участки. Такой порядок был утвержден Комитетом министров в июле 1856 г.⁶³ Однако на практике новшество реализовано не было, и метрические книги продолжали распространяться именно через губернские правления. По крайней мере, в Казанской губернии такая практика сохранялась до середины 1880-х гг.: последнее архивное дело такого характера, сохранившееся в фонде губернского правления, датируется 1885 г.⁶⁴

Самая обширная переписка относительно метрикации мусульманского населения касается Степного края. Озаботившись усилением “дурного воздействия” татарского духовенства на окраинное население империи, в частности на казахов Степного края, правительство в начале 1860-х гг. попыталось пресечь каналы этого влияния. По временному “Положению об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семиреченской областях” (1868), а также по более позднему “Степному положению” (1891) на имамов в Степном крае не возлагалось никаких обязанностей, касающихся ведения актов состояния. Муллы, среди ко-

⁶³ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 990. Л. 11.

⁶⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2880. 7 л. Конечно, следует учитывать фрагментарность архивного фонда: все дела, сохранившиеся в НА РТ, связанные с рассылкой мусульманских метрических книг, датируются 1876–1885 гг. Более ранние дела просто не сохранились. С 1886 г. губернское правление, вероятно, полностью передало эту функцию полицейским отделениям на местах.

торых преобладали татары, были лишены функции посредников между государством и населением и должны были выступать исключительно как вероучители и отвечать за обрядовую сторону жизни общины. Более того, власти неоднократно подчеркивали необходимость организовать полноценную, независимую от духовных лиц, структуру гражданской регистрации в мусульманских населенных пунктах Степного края.⁶⁵ Все судопроизводство казахского населения, осуществляемое по адату (обычному праву) или же по общеимперским законам, должно было быть выведено из-под юрисдикции исламских духовных лиц, а какое-либо вмешательство имамов в разрешение брачно-семейных дел казахов признавалось уголовно наказуемым деянием. Впрочем, несмотря на последовательность ограничительных мер, на практике эти предписания и пожелания не исполнялись, о чем свидетельствуют активная служебная переписка чиновников заинтересованных ведомств (Департамент Духовных дел иностранных исповеданий при МВД, Военное Министерство, Совет Министров и др.), а также регулярные предписания правительственных учреждений с запретом ОМДС вмешиваться в религиозные дела мусульман Степного края.

Ситуацию еще более усложнял и запутывал тот факт, что во второй половине XIX – начале XX столетия в Степном крае, особенно в городах, образовалась значительная прослойка из татарского населения, переселившегося из Волго-Уральского региона. Татары-мусульмане основывали общины (*махалли*) и избирали имамов, которые по традиции подчинялись ОМДС, получая от них необходимые распоряжения и документы, в том числе и метрические книги. В “Степном положении” (1891) о юрисдикции татар-мусульман, переселяющихся с территории, подведомственной ОМДС, практически ничего сказано не было, а потому их статус оставался не проясненным. Более того, в 1907–1908 гг. кустанайским мусульманам (татарам) в виде временной опытной меры было даже официально разрешено вести метрические книги. В результате, избранный глава общины стал ходатайствовать о присвоении ему звания “указного муллы” и “домогаться” подчинения мусульман г. Кустаная ОМДС.⁶⁶

Двойственным был и вопрос о том, на ком лежала обязанность рассылки метрических книг в городские мусульманские приходы Степного края. Гражданская администрация края и военное министерство

⁶⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 990. Л. 14-30; Д. 634. Л. 3-4 об.

⁶⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 634. Л. 17-21.

не хотели брать на себя эту дополнительную ответственность. При этом они не желали и уступать это право ОМДС, опасаясь, что “татарское” ОМДС будет оказывать на мусульман края вредное влияние и тормозить процесс распространения общеимперского гражданского судопроизводства на окраинах. Поэтому ОМДС предписывалось вести переписку с мусульманами только через канцелярию военного губернатора. В то же время, власти намеревались оставить финансовое бремя и фактическое осуществление дела метрикации населения на Духовном собрании. Очередная спорная ситуация возникла, в частности, в конце 1913–1914 гг. Весной 1914 г. оренбургский муфтий спрашивал у руководства Департамента духовных дел распоряжений о том, как должно поступать Духовное собрание – изготавливать и рассылать метрические книги по приходам Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областей, или же эту функцию возьмет на себя областное руководство? В результате, вопрос вновь решили компромиссом: татарские приходы по-прежнему должны были снабжаться метрическими книгами, изготовленными Духовным собранием, но в интересах государственного контроля рассылка шла через областные и губернские правления.⁶⁷ Как уже говорилось, в Европейской части России губернские правления были признаны излишним звеном и устранены в цепочке передач метрических книг еще в 1856 г.

В тех случаях, когда значительные расстояния между населенными пунктами и центром хранения метрических книг мешали нормальной циркуляции документов, само мусульманское население выступало за передачу контроля над метрическими книгами местным гражданским властям. В частности, в 1870–1890-х гг. представители татар Северо-Западного края неоднократно обращались в Департамент ДДИИ с просьбой переложить обязанности удостоверять метрические выписки, требующиеся для предоставления по месту службы или учебы, с Таврического духовного правления на местную администрацию (губернские правления).⁶⁸ Основанием для подобных обращений стали многочисленные случаи задержки в обороте документов между истцами и представителями духовных правлений из-за необычайной медлительности последних, плохой работы почты, огромных расстояний, требующих затрат времени и денег. Порой ожидание необходимой метрической выписки затягивалось до двух лет, что лишало окраинных

⁶⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 466. Л. 49-49 об., 52, 63-63 об.

⁶⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 775. Л. 1-17, 180-192.

мусульман (литовских татар) шанса на поступление в военные учебные заведения, на льготы по призыву и пр. Однако обращения татар, проживавших в Виленской и Минской губерниях, с просьбами облегчить и ускорить порядок получения необходимых документов (выписок из метрических книг, свидетельств и пр.), как и все жалобы на медлительность Таврического правления, нерасторопность и нерадивость местных имамов и пр., были отклонены. Основным аргументом против изменения существующей практики стало нежелание столичной бюрократии менять существующее законодательство. Для устранения же указанных недостатков чиновники предлагали активнее прибегать к административным мерам:

Для удовлетворения ходатайства [литовских татар из г. Ошмянны] предстояло бы испросить изменение существующего ныне по этому предмету законоположений (ст. 1606 и 1607, т. 9, СЗ, 1857 г.), но для того, по моему мнению, не представляется достаточных оснований. Медленность в выдаче выписей может быть устранена: 1) благовременным ходатайством о выдаче метрических свидетельств самими заинтересованными лицами; 2) обращением последних, в случае медлительности Духовного [правления], к установленной законом инстанции, на которую возложено побуждать Правление к скорейшему решению дел его.⁶⁹

Такое тихое саботирование любых инициатив, исходящих от населения, было типично для российской бюрократии. Примером нерасторопности центральной администрации могут служить дискуссии, продолжавшиеся в 1880-1890-х гг. Власти долго не могли решить, к какому ведомству – Оренбургскому, Таврическому или Закавказскому мусульманскому правлению – лучше присоединить мусульман Северного Кавказа, не имевших своего духовного управления, и на какое учреждение следует возложить дело метрикации местного населения. В конце концов, вопрос был отложен до проведения на Северном Кавказе общей реформы и создания в крае исламских духовных учреждений, что не было осуществлено вплоть до 1917 г.⁷⁰

В целом, можно отметить такую характерную черту функционирования исламских религиозных структур во второй половине XIX столетия, как их инкорпорированность в имперскую властную вертикаль. Оренбургское духовное собрание не только исправно доводило

⁶⁹ Цит. по: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 775. Л. 13.

⁷⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 775. Л. 103-211.

до своей паствы указания имперских властей,⁷¹ но и само нуждалось в поддержке местной администрации и полиции для распространения собственных указаний и циркуляров. Показательно обращение ОМДС к Казанскому губернскому правлению с просьбой через уездные полицейские правления обязать (!) мулл выдавать метрические свидетельства магометанских детей для поступления на фабрики и заводы.⁷² Более того, для муфтията, постоянно испытывавшего материальные проблемы из-за скудного финансирования, было гораздо удобнее и выгоднее рассылать метрические книги через централизованные полицейские структуры, нежели напрямую общаться с многочисленными сельскими имамами. Таким образом, финансовые мотивы и принципиально гибридный характер института ОМДС толкали муфтият и духовных лиц отказаться от части своих автономных прав и использовать государственные структуры в качестве посредника для общения с населением.

Метрические книги – объект внутриисламского противостояния: казус ваисовской общины

Во второй половине XIX – начале XX столетия ведение метрических книг рассматривалось самими мусульманами как важный элемент религиозной автономии. Кроме того, информация метрических книг оценивалась мусульманами как крайне необходимая, полезная и ценная в условиях резко возросшей социальной мобильности мусульманского населения, его урбанизации и усложнения функционирования мусульманской общины. Метрическая выписка служила основой для выдачи других идентификационных документов, в том числе и паспорта, и рассматривалась как своего рода пропуск в новую реальность. Без наличия такого пропуска было невозможно не только участвовать в жизни страны, но и пытаться изменить свой социальный и имущественный статус. Это обстоятельство одинаково справедливо для всех инородцев империи, которые начинали связывать свои интересы с интеграцией в имперское общество и добиваться реализации своих прав.⁷³ Поэтому отношение населения к метрическим книгам и выпискам из метрических книг, как и к внутренним паспортам, было чрезвычайно прагматичным и не воспринималось через призму религиозных догматов.

⁷¹ См., напр. следующие дела: НАРТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1067, 1069, 1071.

⁷² НАРТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3268. 7 л.

⁷³ Avrutin. Jews and the Imperial State. Pp. 84-85.

Важно отметить, что введение регистрации мусульман в метрических книгах – крайне символический акт для любой религии священной книги – не нашло отражения в известных исламских религиозных текстах XIX столетия и не рассматривалось даже традиционалистами как *бид'а* или *харам*.⁷⁴ Очевидно, лидеры религиозной общины также были заинтересованы в сохранении за собой монопольного права ведения метрических книг, дававшего им политический контроль над членами своей общины и дополнительный источник дохода. Институт метрических книг настолько укоренился в российской исламской среде, что и выступление против традиционной элиты внутри мусульманской общины находило выражение, в том числе, в обзаведении альтернативными метрическими реестрами.

В этом отношении показателен конфликт, разгоревшийся между т.н. указными муллами и членами “староверческого” “Вайсовского божьего полка” во главе с Багаутдином Вайсовым.⁷⁵ К концу XIX в. члены “Божьего полка” стремились к автономии и обособлению от ОМДС, отказывались посещать мечети и записываться в метрические книги, которые велись официальными муллами, а на определенном этапе даже попытались завести свои собственные метрические книги.⁷⁶ Однако такое радикальное противостояние членов общины и указных мулл возникло не сразу. Началось все с персонального конфликта лидера общины Багаутдина Вайсова с указным имамом Шакиром Сеитовым, обострившегося в 1871–1872 гг. Конфликт закончился категорическим отказом имама заносить имена родившихся и умерших детей Багаутдина в метрические книги 11-й махалли Новотатарской слободы г. Казани.

Для того чтобы понять данный конфликт и объяснить его суть, нужно кратко восстановить его исторический контекст. До самой своей смерти в 1872 г. имамом 11-й мечети г. Казани состоял Хуснутдин Гумерович Сеитов (Хуснутдин бин Гумер ас-Суксуви). Он также, как и Багаутдин, являлся учеником и последователем шейха Джагфара аль-Кулатки.⁷⁷ Видимо, это обстоятельство, принадлеж-

⁷⁴ Cp. Michael Kemper. *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft*. Berlin, 1998.

⁷⁵ Д. М. Усманова. Вайсов Багаутдин // *Ислам в Поволжье: энциклопедический словарь*. Москва, 2013. С. 60–61.

⁷⁶ Подробнее см.: Усманова. Мусульманское “сектантство” в Российской империи: “Вайсовский Божий полк староверов-мусульман”. Казань, 2009. С. 63–65 и др.

⁷⁷ Усманова. Салихов Джагфар // *Ислам в Поволжье: энциклопедический словарь*. Москва, 2013. С. 269–270.

ность к одной “религиозной школе”, приобщенность к одному и тому же наставнику, шейху Джагфару, сыграли большую роль в их взаимоотношениях. Кроме того, близость по возрасту или, возможно, иные неизвестные нам обстоятельства позволяли Багаутдину Ваисову вести себя с имамом Хуснутдином Сеитовым довольно независимо. Со стороны эти взаимоотношения можно трактовать как вызывающие и даже недопустимые: в середине и второй половине 1860-х годов Ваисов самостоятельно совершал религиозные обряды на дому (обряд *имянаречения*, а также погребения умерших детей, причем не только в рамках своей семьи, но и среди своих последователей), ставя официального имама в известность только постфактум. Дальше – больше: в 1873 г. Ваисов даже совершил самостоятельно обряд бракосочетания самого себя (!) с некой Фаизой Абдуллатыфовой, что вызвало протесты ОМДС и негативную экспертную оценку такого авторитета, как Ш. Марджани. Последовали обвинения в нарушении предписаний шариата, а также рекомендация предать Б. Ваисова уголовному наказанию за совершение прелюбодеяния.⁷⁸ Эта история стала одной из первых в череде конфликтов, приведших в итоге к разрыву Ваисова со всеми указными имамами г. Казани и с руководством ОМДС.

До начала 1870-х гг. имена многочисленных жен и детей Б. Ваисова худо-бедно заносились имамом Хуснутдином Сеитовым в официальные метрические книги прихода 11-й мечети г. Казани. Впрочем, следует отметить, что эти книги велись имамом Сеитовым крайне небрежно, с многочисленными ошибками и неточностями. Более того, сам Багаутдин Ваисов именовался в них *дервишем*, *дардемэндом*, т.е. суфийскими титулами, что выходило за рамки традиции российского делопроизводства или официальной сословной номенклатуры. Вероятно, имам, нарушая официально утвержденную практику, просто уступал желанию своего друга (и собрата по суфийскому братству). Но если с Хуснутдином Сеитовым Ваисову удавалось разрешать данную коллизию более-менее мирно, то с его сыном Шакиром Сеитовым, ставшим имамом после смерти отца в 1872 г., общий язык найти не удалось. Формальным поводом к отказу записывать в метрические книги детей Б. Ваисова было то, что он сам, демонстративно отказываясь от услуг указного имама, незаконно совершает все обряды и,

⁷⁸ См. Подр.: Усманова. Мусульманское “сектантство” в Российской империи: “Ваисовский Божий полк староверов-мусульман”. Казань, 2009. С. 40-41, 56-57.

следовательно, присваивает себе функцию духовного лица, не являясь таковым.⁷⁹

Так или иначе, конфликт лидера ваисовской общины с “законным” представителем религиозной власти “набирал обороты”. Начиная с 1871–1872 гг. имена детей Багаутдина исчезают из метрических книг Ново-Татарской слободы, хотя известно, что все они родились именно в Казани. Некоторое время Б. Ваисов имел возможность записывать своих детей в метрики с. Молвино (но как родившихся в Казани!). Например, факт рождения 9 января 1878 года в Казани Гайнана Ваисова первоначально был зафиксирован в метрической книге с. Молвино (правда, только через месяц, 8 февраля). Только в конце года он был внесен в метрическую книгу Ново-Татарской слободы (мечеть № 11), но в самый конец списка, под № 13. Строго говоря, оба имама нарушали действующее законодательство. Однако во второй половине 1870-х гг. Багаутдин Ваисов, вероятно, сумел испортить отношения и с односельчанами, так как после 1877–1878 гг. им была утеряна и возможность легализации детей через запись в метрики с. Молвино.

Вступив в конфликт с имамом Шакиром Сеитовым, Б. Ваисов регулярно обвинял его в многочисленных подлогах и преступлениях, в том числе в произвольном и неправильном ведении метрических книг.⁸⁰ Интересно, какие аргументы Б. Ваисов приводил в своих обвинениях. Он заявлял, что произвольное обращение имама Сеитова с метриками может нанести непоправимый ущерб интересам правительства, поскольку незаписанные в метрики дети впоследствии могут избежать воинской повинности. Т.е. Ваисов апеллировал не к каким-либо исламским традициям или догмам, а к сугубо прагматическим государственным интересам. Таким образом, он не отрицал легитимности государственной регистрации мусульман, но лишь хотел присвоить себе эту функцию, хотя и выступал в роли религиозного лидера, по-

⁷⁹ Забегая вперед, отметим, что в рекомендациях Духовного Собрания 1916 г. было специально указано, что в случае враждебного отношения прихожан к законному имаму, нежелания их позволять имаму совершить обряд имянаращения, последний имеет право при помощи полиции насильно привести родителей с новорожденным ребенком в мечеть и зафиксировать в метриках факт рождения ребенка. Хотя в журнальных публикациях 1916 г. и не было прямого упоминания вызывающего поведения Б. Ваисова, думается, что эта история была одной из самых громких в череде подобных конфликтов, а потому потребовала специального разъяснения. См. Маглумат (“Сведения”). 1916. № 11. С. 20.

⁸⁰ Усманова. Мусульманское “сектантство” в Российской империи. С. 65.

сланного по воле Всевышнего для спасения заблудших душ.⁸¹ Уже в 1881 г. Б. Ваисов представляет на утверждение министра внутренних дел образец собственной метрической книги о записи новорожденных и умерших детей староверов-мусульман.⁸² В 1909 г. при обыске на квартире его сына Гайнана Ваисова были изъяты отпечатанные типографским способом метрические книги, предназначенные для ваисовских общин, что было расценено как очередное доказательство создания преступного сообщества.

Образцы “собственных” метрических книг, отпечатанных лидерами ваисовской общины для своих членов, не сохранились. Мы знаем об их существовании лишь по протоколам обысков и допросов, но не имеем экземпляров, по которым могли бы сравнить их с государственно-утвержденными формами. По описаниям известно,⁸³ что в эти метрические эрзац-книги, помимо фактов рождения, бракосочетания и смерти, также включали посемейные списки членов общины. Второе отличие от государственного образца заключалось в том, что в метрики записывались взрослые члены общины, как мужчины, так и женщины, по мере их вступления в секту. Наконец, дата рождения зафиксирована как по христианскому, так и по мусульманскому летоисчислению, чего не было в официальных метрических книгах. В целом, ваисовские “метрические книги” представляли собой довольно архаичную и гибридную модель регистрации членов общины, которая не только закрепляла их в общине, но и, прежде всего, позволяла организовать взимание налогов в пользу канцелярии.

В Национальном архиве РТ сохранилось также несколько “паспортных книжек” или “свидетельств”, изобретенных специально для членов общины.⁸⁴ Этот документ был обозначен как “Свидетельство № 160”, но имел все атрибуты паспортной книжки – типографским образом отпечатанную форму, обычные сведения об идентифицируемой личности (ФИО, дата рождения и даже “сословие” – “природный духовный

⁸¹ Об эсхатологических мотивах во взглядах и деятельности Б. Ваисова подробнее см.: Michael Kemper. *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889*. S. 393–428 (русский перевод: М. Кемпер. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008. С. 527–573).

⁸² РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 53а.

⁸³ Довольно подробный обзор содержания метрических книг и их общая характеристика представлены в документе, обнаруженном в НА РТ и впервые опубликованном мной в следующей работе: Усманова. Мусульманское “сектантство” в Российской империи. С. 360–361.

⁸⁴ Образец одной такой книжки воспроизведен: Там же. С. 513–514.

старовер”), написанные от руки по-русски, печать канцелярии и пр. Дополнительную легитимацию этому документу должно было придавать изречение из Священного писания. Более того, эти свидетельства, игравшие по словам лидеров секты, роль легитимных внутренних и внешних паспортов, должны были способствовать привлечению в общину новых членов.

Так, начавшись с персонального конфликта, противостояние Ваисова официальным мусульманским лидерам закончилось полным отказом от законных метрических книг (заполняемых “указными” имамами, чей авторитет и бесспорная легитимность были поставлены Ваисовым под сомнение), а также попыткой введения собственных паспортов. Лидеры ваисовской общины не только принимали на себя административные функции духовных лиц, возложенные государством на имамов (т.е. ведение метрических книг), но даже попытались присвоить важнейшую функцию государства по идентификации личности через выдачу законных паспортов. Конфликт внутри исламского сообщества, проявившийся в ваисовском движении, имел гораздо более глубокие корни, нежели спор о записях в метриках. Собственные метрические книги и паспорта послужили лишь формой выражения социально-политического компонента этого конфликта. При этом важно отметить, что и непримиримые критики мусульманского истеблишмента воспринимали метрические книги как дело государственной важности, как привилегию духовных лидеров общины и как свидетельство автономности этой общины (в данном случае – общины “староверов-мусульман”).

Мусульманские проекты реформирования практики ведения актов гражданского состояния в начале XX столетия

В начале XX столетия мусульманская общественность среди прочих вопросов реформирования жизни *мусульманской уммы* обращалась к проблеме улучшения практики ведения духовными лицами метрических книг. Вопрос о метриках поднимался на большинстве мусульманских съездов, проходивших в 1905-1914 гг., регулярно освещался в татарской прессе. Если говорить о решениях мусульманских собраний, то следует остановиться на резолюции последнего предреволюционного всероссийского мусульманского съезда (1914).

В проекте “Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи”, принятом четвертым мусульманским съездом (июль 1914 г.), обязанности мусульманского духовенства по ведению

актов гражданского состояния были записаны в нескольких пунктах. Один из пунктов гласил, что “совершение брачных и бракоразводных между мусульманами обрядов предоставляется исключительно духовным лицам” (§ 21). В другом параграфе было сказано:

приходское духовенство ... обязывается вести книги метрические: о новорожденных, умерших, сочетавшихся браком и разведенных, с включением в книги и брачных договоров по правилам и формам, утвержденным правительством. Равным образом, чины приходского духовенства обязаны вести по утвержденной форме общие списки всем мусульманам, принадлежащим к приходу или отдельному “мечетскому обществу”. Сверх того, они обязаны доставлять казиям, в определенные сроки, ведомости о мечетях и школах, а также о новорожденных, умерших, сочетавшихся браком и разведенных (§ 26).

В проекте также были определены условия совершения муллами брачных обрядов (§ 22), подробно очерчена сфера компетенции и полномочий казиев (§ 39, 44-47, 51-52) и губернских меджлисов (§ 67-68) в рассмотрении семейно-брачных и имущественных вопросов. Заготовление и рассылка метрических книг по приходам возлагались на духовные правления, контроль над ведением метрических книг и их проверка поручалась губернским меджлисам.⁸⁵ Одобренный съездом проект положения об управлении духовными делами мусульман предусматривал законодательное закрепление за духовенством административных и судебных функций, причем даже в несколько более широком виде, чем это практиковалось в то время. Например, предлагалось ослабить контроль общеимперских органов.

С началом Первой мировой войны значение метрических книг еще более возросло в связи с призывной кампанией: имамы были обязаны ежегодно составлять списки лиц мужского пола призывного возраста и делать метрические выписки для воинских присутствий. Одновременно ОМДС в очередной раз озаботилось недостатками ведения метрических книг. Поэтому в журнале “Маглумат” (“Сведения”, или “Известия”), официальном органе муфтиата, в течение 1916 года была помещена целая серия статей на данную тему.⁸⁶ Остановимся чуть подробнее на содержании некоторых из этих публикаций. В статье под названием

⁸⁵ Проект положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи, выработанный 4-м съездом. Санкт-Петербург, 1914.

⁸⁶ Маглумат. 1916. № 2. С. 4-5; № 4-5. С. 4-5; № 7-8. С. 14-17; № 9-10. С. 17-20; № 16-17. С. 4-5; № 19. С. 11-12.

“Указание Духовного собрания по поводу правил ведения метрических книг” анонимный автор (член редколлегии?) начал с общих пассажей о важности метрических книг для воинского призыва, а также для наследственных и бракоразводных дел, определения социальной принадлежности и пр. Пообещав нерадивым имамам наказание за упущения в исполнении своих обязанностей, автор статьи обратил основное внимание на правила ведения и хранения метрических книг, а также метрических выписок и справок. Прежде всего, последовало строгое напоминание, что заполняющие метрические книги имамы должны строго придерживаться этих правил, сформулированных в ряде циркуляров и распоряжений ОМДС.⁸⁷ Правила оформления были также отпечатаны на оборотной стороне обложки самих метрических книг и воспроизведены в журнальной публикации.⁸⁸ Среди этих правил многие были связаны с особенностями арабской графики: важность диакритических знаков для правильного прочтения имен, имеющих идентичное написание (п. 2); обязательность подстрочных и надстрочных знаков, отсутствие которых искажает смысл слов (пп. 1, 7); необходимость правильного и четкого заполнения отдельных разделов метрик (п. 3); возможности идентификации подписей (п. 4) и пр. Особенно важно было правильно фиксировать данные людей, прибывших из иных населенных пунктов: помимо имен, требовалось четко указать названия губернии, уезда, волости и населенного пункта (п. 8). Некоторые правила касались финансово-фискальных аспектов. В частности, *калым* (*мэхэр*, или сумма, передаваемая женихом в собственность невесты и при разводе остающаяся в ее распоряжении) должен был быть зафиксирован при бракосочетании в метриках наряду с фактом бракосочетания и подтвержден собственноручной подписью жены или ее представителя (п. 5). В этой же графе должна была быть указана сумма пошлины за бракосочетание (минимум 25 копеек), собираемая ОМДС на свои нужды.

В двух последующих публикациях под названием “Духовенство и дело ведения метрик” (1916, №№ 7/8; 9/10; 11.) и “Правила оформления метрик” (1916, №№ 12-13, 14, 15, 16/17) были подробно расписаны отдельные разделы метрических книг, с обстоятельной аргументацией и примерами того, как нужно их заполнять и каких ошибок следует избегать. Можно отметить несколько наиболее харак-

⁸⁷ Циркуляры № 2534 от 17 июня 1888 г., № 3999 от 1893 г., № 2471 от 28 апреля 1900 г., № 3457 от 11 июня 1901 г.

⁸⁸ Маглумат. 1916. № 4-5. С. 4-5.

терных указаний. В разделе о записи новорожденных ряд сложностей и ошибок мог возникать из-за возможности двойного прочтения того или иного имени: например, имена Минлесафа и Гайникамал могли даваться как мальчикам, так и девочкам. Во избежание последующих недоразумений следовало указывать пол ребенка, а также следить за правильной нумерацией. Как известно, в арабской графике гласные звуки обозначаются минимальным количеством знаков. Поэтому в начале XX столетия стала распространяться практика довольно вольного написания тюркоязычных слов и имен, включающих те или иные огласовки. Когда такая практика переносилась на написание имен арабского и персидского происхождения, это справедливо расценивалось как победа невежества и вызывало массовые протесты “ревнителей старины”.⁸⁹ Представители Духовного собрания также настаивали на том, чтобы в метрических книгах традиционные и хорошо известные имена писались без вольностей и искажений. В начале XX столетия в практику метрических записей входит новая традиция, активно поддерживаемая светскими и религиозными властями: указание родовых фамилий. Такая русифицированная версия фиксации имен первоначально (уже с рубежа XVIII – XIX вв.) распространилась среди дворянства и купечества, а к концу имперского периода – даже среди крестьянства и городских низов. Для мусульман, не имевших ранее зафиксированных фамилий, рекомендовалось брать в качестве таковой имя ближайшего предка (дедушки).⁹⁰

Также недопустимой признавалась практика, когда новорожденные записывались в метрические книги спустя значительный срок – несколько недель, месяцев, а то и полгода-год после появления на свет. Авторы статьи настаивали на своевременной, незамедлительной и точной фиксации даты рождения с указанием дня и месяца рождения,⁹¹ что имело значение при поступлении в школу, призыве в армию и даже при дележе наследства (известно, что в мусульманских семьях могли быть дети одного возраста от разных жен на вполне законных основаниях). Особенно важным точное указание даты рождения было для девочек, так как выдача замуж девушки, не достигшей соответствующего возраста, была чревата административным или даже уголовным наказанием

⁸⁹ Кстати, один из вполне справедливых упреков кадимистов в отношении джадидистов касался именно этого пункта: последние часто выдавали за реформирование татарского языка ошибочность и вольность написания арабских и персидских слов.

⁹⁰ Маглумат. 1916. № 11. С. 16.

⁹¹ Маглумат. 1916. № 11. С. 18-19.

имама.⁹² Одновременно имамы, фиксирующие факт рождения ребенка, должны были удостовериться в законности брака, особенно если речь шла о приезжих людях. Последний пассаж отражал факт все большей мобильности татарского населения в позднеимперский период, что требовало адаптации метрических книг к новым реалиям.

По-прежнему сохраняла свою актуальность и значимость сословная принадлежность населения. Поэтому, указывали авторы рекомендаций, следует четко фиксировать социальное происхождение родителей, а также точный адрес их проживания в том случае, если запись вносилась в отношении лица, не приписанного к данной общине. В упомянутых рекомендациях неоднократно подчеркивалось, что в обязательном порядке необходимо указывать такие сословные звания, как “крестьянин”, “мещанин”, “дворянин”, “потомственный почетный гражданин”. В то же время, ни в коем случае не следовало включать в метрические книги наименования “имам”, “ишан”, “старшина”.⁹³ Эта рекомендация, с одной стороны, отражает существующую практику фиксации в официальных документах исламских религиозных титулов, не признаваемых государством (вспомним казус Багаутдина Ваисова!), а с другой – стремление религиозных властей привести сословную номенклатуру, используемую в мусульманских документах, к общероссийскому стандарту. Все эти очень подробные инструкции по ведению метрических книг должны были усовершенствовать делопроизводственную культуру представителей мусульманского духовенства, преодолев, наконец, различия между российской имперской и татарской письменной традицией.

Другим направлением работы по улучшению ведения метрических книг было признано совершенствование уровня подготовки в медресе, где готовились будущие представители низового духовенства.⁹⁴ Во многих медресе не уделялось должного внимания таким вопросам, как письмо и чистописание, орфография и правописание, делопроизводство в целом. Поэтому, помимо неоднократного дублирования инструкций по ведению метрик, в 1916 г. ОМДС собиралось включить их в программу испытательного экзамена, сдаваемого кандидатами на соискание должности имама, а также в программу летних и осенних курсов “повышения квалификации” для представителей духовенства.⁹⁵

⁹² Маглумат. 1916. № 11. С. 20-21.

⁹³ Маглумат. 1916. № 11. С. 17.

⁹⁴ Маглумат. 1916. № 19. С. 11.

⁹⁵ Маглумат. 1916. № 2. С. 5; № 9-10. С. 32-33.

И духовные правления мусульман, и гражданские власти рассматривали дело метрикации как один из важнейших элементов сложно-составного механизма контроля над населением. Гибридный институт метрик позволял государству взаимодействовать с массами подданных, экономя на разветвленном аппарате чиновников и на языке, понятном местному населению. Духовенство же, в том числе мусульманское, повышало свой символический и политический авторитет, встраивалось в административную вертикаль и было не намерено добровольно отказываться от этих управленческих функций. В то же время, контроль над метрикацией воспринимался как элемент религиозно-национальной автономии общины, к чему мусульманское сообщество активно стремилось весь позднеимперский период. Неоднократно отмечая на страницах “Маглумат” важность метрических книг для каждого мусульманина, поскольку в них фиксировались все этапы его жизни (от рождения до смерти), редакторы подчеркивали ключевое значение реестров прихожан именно для духовенства:

По правде говоря, вся сила духовенства в этих метрических книгах; тот имам, который держит в своих руках метрики, является полновластным хозяином своей общины. И можно с полной уверенностью сказать, что тот имам, который не ведет метрики, не контролирует и общину.⁹⁶

Мусульманские метрические книги в революционных условиях: яблоко раздора?

Одним из первых актов новой демократической власти после свержения самодержавия в феврале 1917 г. стало обнародование правительственной декларации 2 марта. В ней провозглашалась отмена всех ограничений, связанных с религиозной и национальной принадлежностью. Правительственная декларация явилась лишь символическим жестом в сторону общественности. Для воплощения провозглашенных принципов требовалась кропотливая работа законодательной и исполнительной власти. В период с апреля по июнь 1917 г. в ДДДИИ был разработан целый перечень ограничительных норм и статей закона, подлежащих отмене в соответствии с провозглашенной декларацией. Среди этих мер было и предоставление права переписки между мусульманскими духовными учреждениями и духовными лицами на местных языках

⁹⁶ Цит. по: Маглумат. 1916. № 7-8. С. 15.

с тем, однако, чтобы с государственными учреждениями переписка велась на русском языке.⁹⁷ В течение 1917 г. все делопроизводство национальных и религиозных институтов в Волго-Уральском регионе было переведено на татарский язык. На нем же, уже на вполне законных основаниях, велись и метрические книги.

После октябрьской революции в государственной религиозной политике наметился новый поворот. Весной 1918 г. был издан декрет о правилах ведения актов гражданского состояния. По нему ведение метрических книг изымалось у духовенства и передавалось в местные органы Советов. Это постановление вызвало протесты, как в мусульманской прессе, так и со стороны мусульманских религиозных учреждений. В частности, в газете “Иттифак” (“Союз”) был опубликован протест Духовного управления против данного декрета, а также иных аналогичных постановлений советской власти.⁹⁸ Протест был подписан руководителем второго отделения Духовного управления, казыем Ризаэтдином Фахретдином и секретарем ДУ Мубаракшей аль-Ханафи. “Иттифак” официально являлась органом “Всероссийского союза мусульманского духовенства” (“Всероссийский союз улемов”, на татарском языке – “Ботен Русия голяма иттифагы”). Данный религиозный союз был образован на первом Всероссийском съезде мусульманского духовенства, состоявшемся летом 1917 г. в Казани. Тогда же была обсуждена программа и цели будущей газеты, а членам вновь избранного и утвержденного съездом центрального бюро была поручена вся организационно-подготовительная работа. “Иттифак” издавалась с 31 января 1918 г. по 7 июня 1918 г. За эти чуть менее чем четыре месяца (две недели были “съедены” переходом на григорианский календарь) вышли 14 номеров газеты. “Иттифак” была единственным мусульманским религиозным изданием, выходившим в бесцензурных условиях. Ее материалы свидетельствуют о том, что религиозная политика новой власти воспринималась казанским духовенством крайне негативно. Резкой критике подвергались практически все действия большевиков, начиная от декрета “Об отделении церкви от государства...” и заканчивая конкретными действиями местных большевиков.

Члены Духовного управления (ДУ) считали сохранение за имамами права ведения метрик не просто необходимым, но и обязательным

⁹⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 622. Л. 4-6об.

⁹⁸ Иттифак (“Союз”). 1918. 18 апреля (№ 8).

условием, продиктованным сугубо религиозными задачами. Без содержащейся в метрических книгах важной информации муллы не могли решать многие религиозные вопросы, касающиеся бракоразводных и наследственных дел, наречения, погребения. Поэтому Духовное управление распорядилось по-прежнему сохранять ведущиеся метрики при мечетях. Для гражданского делопроизводства, по мнению руководства ДУМ, городские управы и советы могли бы завести собственные книги. Содержание данного постановления свидетельствует о том, что духовные лидеры еще предполагали сохранить за собой многие административные и правовые функции, закрепленные за ними в царской России. Вероятно, они надеялись на узаконение Советской властью норм шариата в решении брачно-наследственных дел применительно к мусульманам Европейской части России. Более того, характер постановления, его формулировки, стилистика и язык свидетельствовали о желании упрочить религиозную автономию мусульман России. Подтверждением серьезности подобных намерений и веры в возможность их осуществления стало опубликованное в газете “Иттифак” и журнале “Мухтарият” (“Автономия”) обращение ДУ к имамам, хатибам и мухтасибам. Оно содержало указание на то, что с января 1918 г. вся документация будет вестись на татарском языке, а потому все письма и обращения в ДУ должны быть написаны исключительно по-татарски.⁹⁹

С принятием 16 сентября 1918 г. “Кодекса законов об актах гражданского состояния” конфессиональные метрические книги были отменены, и их заменили на актовые (или реестровые) книги в местных органах ЗАГСа. Хотя указ о передаче метрических книг в ведение органов местного самоуправления датируется 1918 г., начало гражданской войны несколько отсрочило практическую реализацию этого декрета. Только в 1922 г. законными стали признаваться лишь те актовые документы, которые составлялись советскими учреждениями. И хотя мусульманское духовенство еще некоторое время продолжало вести метрические книги, они уже потеряли свою легитимность. Более того, практический запрет норм шариата, а также репрессии и физическое уничтожение представителей мусульманского духовенства, начавшееся с конца 1920-х гг., окончательно ограничило сферу компетенции религиозных институтов и мусульманского духовенства сугубо обрядовыми действиями в частной сфере (не выходящей за пределы семьи), под тотальным контролем властей.

⁹⁹ Иттифак. 1918. 31 января (№ 1).

SUMMARY

The article by Diliara Usmanova offers the first comprehensive treatment of the practice of population registration and vital statistics of the Muslims of the Russian Empire through “metrical books” (parish registers). The author argues that the institution of Muslim parish registers reflected the hybrid nature of the imperial legal regime, which not only incorporated different confessional and regional systems of law but also practiced a kind of “outsourcing” by recruiting local elites to communicate administrative assignments to culturally diverse populations in their language and through their customary institutions. This thesis is unfolded against the background of early Modern and Modern European patterns of vital statistics and identification of the population, all originating in parish registers. At the same time, Usmanova points out the absence of such a practice in the Ottoman Empire, which collected population statistics through state censuses rather than Muslim confessional institutions. Russian Muslims not only embraced the Christian Church institution of parish registers, but turned it into an instrument of contestation with the state over religious and, later, national autonomy of the Muslim community. The article reconstructs the history of the introduction of parish registers for the Russian Muslims, the content of registers and the specifics of bookkeeping by clergy, the controversy over the language of documentation, and the problem of control over the vital statistics by the state and the Muslim religious elites. Usmanova shows how, in its need for population statistics and identification, the modernizing imperial state depended on the Muslim clergy, and at the same time resented granting them more administrative authority. On the other hand, the growing complexity and internal diversity within the Muslim community itself contributed to rising appreciation of the practical importance of the parish registers and competition for control over them among rival factions. Eventually, parish registers emerged as a principal institution of religious and national (Tatar) identification and cohesion. It was only in 1918 when the Soviet state officially outlawed parish registers as the basis for identification of individuals and population statistics, despite the fierce protests of Muslims.

BIBLIOGRAPHY

About, Ilse, James Brown and Gayle Lonergan (Eds.). *People, Papers and Practices: Identification and Registration in Transnational Perspective, 1500–2010*. Basingstoke, 2013.

Antonov, D. N. *Vosstanovlenie istorii semei: metod, istochniki, analiz* / Candidate of Sciences in History dissertation. Moscow, 2000.

Antonov D. N., I. A. Antonova. *Metricheskie knigi Rossii XVIII – nachala XX v.* Moscow, 2006.

— *Metricheskie knigi: vremia sobirat kamni* // *Otechestvennye arkhivy*. 1996. No. 4. Pp. 15-28; No. 5. Pp. 26-39.

Asfandiiaarov, A. Z. *Semia i brak u Bashkir v XVIII –pervoi polovine XIX v.* Ufa, 1989.

Avrutin, Eugene M. *Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia*. Ithaca, 2010.

Azamatov, D. D. *Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie v kontse XVIII–XIX vv.* Ufa, 1999.

Baiburin, A. K. *K antropologii dokumenta: passportnaia lichnost' v Rossii* // *Antropologiya i sotsialnykh peremen*. Moscow, 2011. Pp. 533-555.

— *K predistorii sovetskogo passporta* // *Neprikosnovennyi zapis*. 2009. No. 2 (64). Pp. 140-154.

Bikbulatov, N. F., F. F. Fatykhova. *Semeinyi byt Bashkir XIX–XX vv.* Moscow, 1991.

Boitsova, E. V., V. Iu. Gankevich, E. S. Muratova, Z. Z. Khairtdinova. *Islam v Krymu: ocherki istorii funktsionirovaniia musulmanskikh institutov*. Simferopol, 2009.

Breckenridge, Keith and Simon Szreter (Eds.). *Registration and Recognition: Documenting the Person in World History*. Oxford, 2012.

Cadiot, Juliette. *Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of The Russian Empire (1897–1917)* // *The Russian Review*. 2005. Vol. 64. No. 3. Pp. 440-455.

Caplan, Jane and John Torpey (Eds.). *Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World*. Princeton, 2001.

Chernukha, V. G. *Passport v Rossii. 1719–1917 gg.* St. Petersburg, 2007.

Crews, Robert D. *Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia* // *American Historical Review*. 2003. Vol. 108. No. 1. Pp. 50-83.

— *For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA, 2006.

Frank, Allen. *Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and Kazakh Inner Horde, 1780–1910*. Leiden, 2001.

Freeze, ChaeRan Y. and Jay M. Harris (Eds.). *Everyday Jewish Life in Imperial Russia. Selected Documents. 1772–1914*. Waltham, MA, 2013.

Kabuzan, V. M. *Metricheskie knigi // Narodonaselenie. Enciklopedicheskii slovar*. Moscow, 1994. P. 229.

Kalimullina, A. G. *Tatarskie metricheskie knigi kak istoricheskii istochnik. Obshchee opisanie // Fanni iazmalar-2006*. Kazan, 2007. Pp. 195–199.

Karpat, Kemal H. *Ottoman Population, 1830–1914: Demographic and Social Characteristics*. Madison, 1985.

Kemper, Michael. *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft*. Berlin, 1998.

Kniazeva, E. E. *Metricheskie knigi Sankt-Peterburgskogo konsistorialnogo okruga kak istochnik po istorii liuteranskogo naseleniia Rossiiskoi imperii XVIII – nachala XX v. / Candidate of Sciences dissertation*. St. Petersburg, 2005.

Konchakov, R. B. *Demograficheskoe povedenie krestianstva Tambovskoi gubernii v XIX –nachale XX vv.: novye metody issledovaniia / Candidate of Sciences dissertation*. Tambov, 2001.

Meyer, James H. *Speaking Sharia to the State: Muslim Protests, Tsarist Officials, and the Islamic Discourses of the Late Imperial Russia // Kritika*. 2013. Vol. 14. No. 3. Pp. 485–505.

— *Turks Across Empires: Marketing Muslim Identity in Russian-Ottoman Bordeland. 1856–1914*. Oxford, 2014.

Mironov, B. N. *Novaia istoricheskaiia demografiia imperskoi Rossii: analiticheskii obzor sovremennoi literatury // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2007. No. 1. Pp. 100–126; No. 3. Pp. 3–28.

— *Sotsialnaia istoriia Rossii perioda imperii (XIX – nachalo XX v.)*. St. Petersburg, 1999.

Morrison, Alexander. *Review: Crews, Robert D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Harvard University Press, Cambridge, MA, 2006. viii + 463 pp. Maps. Illustrations. Notes. Index. \$29.95: £19.95 // *The Slavonic and East European Review*. 2008. Vol. 86. No. 3. Pp. 553–557.

Mutlu, Servet. *Late Ottoman Population and Its Ethnic Distribution // Turkish Journal of Population Studies*. 2003. No. 25. Pp. 3–38.

Novyi entsiklopedicheskii slovar Brokgauza i Efrona. St. Petersburg, 1913. Vol. 26. Col. 413–414.

Proiekt polozheniia ob upravlenii dukhovnymi delami musulman Rossiiskoi imperii, vyrabotannyi 4-m siezdom. St. Petersburg, 1914.

Salter, Mark B. Rights of Passage: the Passport in International Relations. Boulder, 2003.

Şaşmaz, Musa. The Ottoman Censuses and the Registration Systems in the Late 19th and Early 20th Centuries // *Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi (OTAM)*. 1995. Vol. 6. Pp. 289-305.

Shaw, Stanford J. The Ottoman Census System and Population, 1831–1914 // *International Journal of Middle East Studies*. 1978. Vol. 9. Pp. 325-338.

Smirnova, S. S. Demograficheskie protsessy v Olonetskoii gubernii v XIX – nachale XX v. Opyt kompiuternogo analiza metricheskikh knig / Candidate of Sciences dissertation. St. Petersburg, 2002.

Steinwedel, Charles. Making Social Groups, One Person a Time: The Identification of Individuals by Estate, Religious Confession and Ethnicity // Jane Caplan and John Torpey (Eds.). *Documenting Individual Identity: the Development of State Practices in the Modern World*. Princeton, 2001. Pp. 67-82.

Tate, William Edward. *The Parish Chest: A Study of the Records of Parochial Administration in England*. Cambridge, 1969.

Torpey, John. *The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship and the State*. Cambridge, 2000.

Usmanova, Diliara. Mekhanizm realizatsii norm musulmanskogo prava v Rossiiskoi imperii: k voprosu o metrikatsii musulmanskogo naseleniia Volgo-Uralskogo regiona v XIX – pervoi chetverti XX vv. // *Islam i pravo v Rossii*. Vol. 2. Moscow, 2004. Pp. 40-53.

— Vaisov Bagautdin // *Islam v Povolzhie: entsiklopedicheskii slovar*. Moscow, 2013. Pp. 60-61.

Usmanova, Diliara and Diagfar Salikhov // *Islam v Povolzhie: entsiklopedicheskii slovar*. Moscow, 2013. Pp. 269-270.

Vinnik, M. Metricheskie knigi kak istochnik po istorii naceleniia Rossii // *Demoskop*. 2012. December 10-31. No. 535-536. <http://demoscope.ru/weekly/2012/0535/analit012.php>.

Werth, Paul. In the State's Embrace? Civil Acts in an Imperial Order // *Kritika*. 2006. Vol. 7. No. 3. Pp. 433-458.

Wrigley, Edward Anthony and Roger Schofield. *The Population History of England 1541–1871*. Cambridge, 1989.

Zagidullin, I. K. *Perepis 1897 goda i tatary Kazanskoi gubernii*. Kazan, 2000.

ARCHIVES

National Archive of the Republic of Tatarstan (NA RT). F. 2. Op. 2. D. 893, 1067, 1069, 1071, 1243, 2880, 3268.

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 821. Op. 8. D. 594, 611, 616, 634, 842, 990, 1082, 1167; Op. 10. D. 775; Op. 133. D. 466, 622

Ordonnance no 188 de 1539 // http://www.axl.cefanelaval.ca/francophonie/Edit_Villers-Cotterets-complt.htm.

NEWSPAPERS

Ittifaq. Kazan, 1918. January 31. No. 1; April 18. No. 8.

Maglumat. Ufa, 1916. 1916. No. 2; No. 4-5; No. 7-8; No. 9-10; No. 11; No. 16-17; No. 19.